БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

Н. Ланкре (1690—1743)—„Купальщицы".
Императорскій Эрмитажъ.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФІАТЪ.

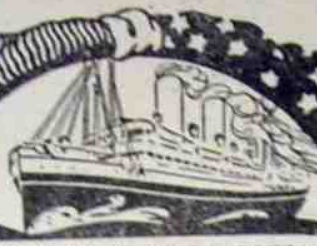
Петроградъ. Москва. Варшава. Харьковъ. Кіевъ. Одесса. Николаевъ. Вильна. Ростовъ на/Д. Евпаторія. Баку. Рига. Екатеринославъ. Елисаветградъ. Новороссійскъ. Эривань.

№ 48.

15 ДЕКАБРЯ 1915 Г.

Отд. №—35 коп., въ кіоскахъ жел. дор.—90 коп.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG



РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ ЛИНІЯ
Русскаго Восточно-Азіатскаго Пароходства

Правленіе: Петроградъ, В. О., Николаевская наб., 19/2.

АРХАНГЕЛЬСКЪ—НЬЮ-ІОРКЪ и ОБРАТНО.

Безъ остановокъ въ пути и безъ захода въ промежуточные порты.

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРЯМОЕ СООБЩЕНІЕ МЕЖДУ

РОССІЕЙ и АМЕРИКОЙ

на быстроходныхъ почтово-пассажирскихъ пароходахъ

„ЦАРЬ", „ЦАРИЦА", „КОРСКЪ" и „ДВИНСКЪ".

Проѣздъ продолжается 12—14 дней. Пароходы отходятъ каждые 11 дн.

ОТДѢЛЕНІЯ: Архангельскъ, Троицкій, 82 и въ друг. городахъ.

АГЕНТСТВА: Москва, Старая пл., Грузинскій пер., 4 и друг. город.

Требуйте проспекты.

Бывшій главный довѣренный владѣльца крупныхъ сел.-хоз., лѣсныхъ и городскихъ имѣній (оставившій службу по военнымъ обстоятельствамъ), желалъ бы принять отъ гг. земледѣльцевъ для веденія или исполненія, нѣсколькихъ порученій по дѣламъ земельно-административнаго характера: **АДМИНИСТРИРОВАНІЕ ИМѢНІЙ, КОНТРОЛЯ, ОЦѢНОЧНО-ЗАЛОГОВЫЯ КАЛЬКУЛЯЦІИ, ОЦѢНОЧНЫЯ РАБОТЫ** съ цѣлью купли-продажи сел.-хоз. и лѣсныхъ имѣній.

Предпочтительный районъ — югъ, ю.-з. и с.-з. Россіи.

——— Многолѣтняя отвѣтственная практика. ———

Предварительно письменно: Петроградъ, Невскій просп., 13, контора объявленій Эд. Петгольдъ, подъ лит. Организаторъ 2345

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА **ЗАПИСКИ ОЛИ ПЕТРОВОЙ.**

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА.

Большинство №№ за 1914 и 1915 гг. полностью распроданы, хотя печатались нѣсколькими изданіями.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1916 ГОДЪ:

въ Петроградѣ . . . . . 13 руб. 50 коп.
въ Россіи . . . . . 14 руб. 50 коп.
за границей . . . . . 40 франк.

Вслѣдствіе увеличенія цѣны на мѣловую бумагу съ 28 руб. до 106 руб. за стопу, подписная цѣна на журналъ, къ сожалѣнію, повышается на 2 руб. (только на время войны).

Отдѣльный номеръ (съ перес.)—85 коп.

Одинъ № для ознакомленія высылается за 30 коп.

РЕДАКЦІЯ: Каменный островъ, 31, площ. Стараго театра, соб. д. Тел. 145-25.

КОНТОРА: Невскій, 28 (д. Зингера), конт. 10 (съ Невскаго на подъёмной машинѣ, въ 3 этажъ). Тел. 260-51 и 171-38.

Объявленія (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка нонпарели (1/4 ширины страницы). Цѣлая страница 400 руб.

№ 49 (первый № подписки 1916 г.) выйдетъ 1 января 1916 года.

* * *

Прежнихъ подписчиковъ, возобновляющихъ подписку на 1916 годъ, покорно просимъ прилагать печатный адресъ.

Подписчики, желающіе гарантировать полученіе журнала въ неизмѣнномъ видѣ, могутъ получать №№ въ конторѣ (Невскій, 28) или уплачивать за двѣ гофрированныя бумажныя прокладки для каждаго №. Раньше мы вкладывали по одной прокладкѣ (при иногороднихъ отправкахъ) безплатно, но теперь, когда ихъ стоимость выросла втрое, просимъ желающихъ уплачивать дополнительно 1 руб. 50 коп. въ годъ.

ЛУЧШІЯ **АНГЛІЙСКІЯ ДМСКІЯ БЛУЗЫ**

УДОСТОЕННЫЯ ВЫСШЕЙ НАГРАДЫ.

П. С. КУЗНЕЦОВЪ.

Невскій пр., № 66, противъ Аничков. дворца. Магазинъ отдѣленій не имѣетъ.

(четвертое изданіе) **Вл. Крымовъ. О ПРОЧЕМЪ.**

1 р. 25 к. Выписыв. изъ конт. „Ст. и Ус.", Невскій 28—пересылка безплатно.

(10-я тысяча) **ВЛ. КРЫМОВЪ.**

ВЪ СТРАНѢ ЛЮБВИ и ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ странѣ миліардеровъ.—Газета и реклама.—По Вестъ-Индіи.—Въ Панамѣ.—Въ странѣ любви и землетрясеній.—Кинематографъ мысли.—Странные разсказы.—Монте-Карло.

Выписыв. изъ „Столицы и Усадьбы", Невскій 28—перес. безплатно.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПЕТРОГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ РЫСИСТАГО КОННОЗАВОДСТВА.

БѢГА

ДЕКАБРЬ: 3 (доб.), **6, 10** (доб.), **13, 17** (доб.), **20, 23** (доб.), **30** (доб.).

Начало бѣговъ въ 11 час. дня.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ.

№ 48. ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА. 15 ДЕКАБРЯ 1915 ГОДА. ПЕТРОГРАДЪ.

КАТАНЬЕ СЪ ГОРЪ.

Рис. изъ соврем. иллюстрирован. изданій.

БАЛАГАНЫ.

(Изъ воспоминаній).

...40 лѣтъ назадъ Петербургъ выглядѣлъ совсѣмъ не такъ, какъ теперь. Не было ни электрическаго освѣщенія, ни телефоновъ, ни автомобилей, ни трамваевъ, ни Народныхъ домовъ, ни кинематографовъ. Жизнь шла куда медленнѣе, хотя жилось, пожалуй, веселѣе!

Развлеченіями насъ, дѣтей, не баловали. Несмотря на дешевизну, посѣщеніе Императорскихъ театровъ было сопряжено съ извѣстными расходами, и потому туда мы попадали очень рѣдко. Частныхъ театровъ имѣлось только два: „Буффъ" (у Александринскаго театра), гдѣ игрались французскія оперетки, и „Театръ Берга" (на Екатерининскомъ каналѣ, возлѣ Большой Мастерской ул.), культивировавшій кафе-шантанную программу, куда насъ, разумѣется, не пускали. Клубные спектакли были для насъ также

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

тупны, и другихъ развлеченій, въ теченіе года, кромѣ „балагана на Масленицѣ и на Пасхѣ, мы не знали.

Зато ужъ тутъ мы развлекались и веселились во всю!..

Еще задолго до Масленицы, въ свободное отъ школьныхъ занятій время, мы бѣгали на Царицынъ Лугъ (Марсово поле), чтобы убѣдиться, что наши милые балаганы дѣйствительно строятся.

Тамъ мы простаивали по нѣсколько часовъ, наблюдая, какъ плотники, въ тулупахъ и мѣховыхъ шапкахъ, вооруженные топорами, суетились между горами строительнаго матеріала, создавая будущіе „храмы искусства", обѣщавшіе намъ такую массу наслажденій!..

Линія построекъ почему-то ежегодно мѣнялась. То балаганы стояли лицомъ къ Лѣтнему саду, то помѣщались противъ памятника Суворова, Павловскихъ казармъ или Михайловскаго сада.

Хотя морозъ безжалостно пощипывалъ носъ и уши, заставляя насъ выдѣлывать самыя замысловатыя „па", чтобы согрѣть ноги, мы съ настойчивостью, достойной лучшей участи, почти до сумерекъ торчали на Царицыномъ Лугу, и только голодъ заставлялъ насъ спѣшить домой.

По дорогѣ мы вспоминали о прошлогоднихъ представленіяхъ и старались предугадать, что-то намъ покажутъ въ нынѣшнемъ? Вообще всѣ наши мысли были заняты только этимъ...

За нѣсколько дней до Масленицы наше любопытство вполнѣ удовлетворялось. По городу пестрѣли огромныя, разноцвѣтныя афиши, подробно сообщавшія обо всемъ, что насъ интересовало. Эти афиши мы заучивали почти наизусть...

Вотъ и первый день Масленицы!

Объ этомъ даже можно и не говорить, такъ какъ съ улицы доносятся звуки бубенцовъ пріѣхавшихъ „веекъ", наполняющихъ душу необыкновенной радостью, а въ кухнѣ уже готовятъ тѣсто для блиновъ...

Мы съ самаго утра торчимъ у окошекъ. Наконецъ, бьетъ 12! Тутъ ужъ никакая человѣческая сила не можетъ удержать насъ. Получивъ отъ отца по 3 рубля,—цѣлый капиталъ!—мы съ братомъ выносимся на улицу.

Намъ *необходимо* попасть въ балаганы на первыя представленія, потому что на нихъ „играютъ все", а затѣмъ станутъ сокращать, чтобы за день успѣть дать больше спектаклей, и мы можемъ многаго не увидѣть...

Улицы, благодаря обилію веекъ, снующихъ взадъ и впередъ, подъ веселые переливы колокольчиковъ, выглядятъ какъ-то особенно празднично. У всѣхъ радостныя, оживленныя лица... Слышна гармонія, смѣхъ...

За „рицать" копѣекъ вейка мчитъ насъ въ маленькихъ санкахъ, запряженныхъ мохнатой лошаденкой, на Царицынъ Лугъ. Только-бы не опоздать!

Наконецъ, мы на мѣстѣ нашихъ вожделѣній.

Боже мой, какое восхитительное зрѣлище! Мы прекрасно знали, что „все это" будетъ именно такъ, и, однако, не можемъ удержаться отъ криковъ восторга.

Шумъ и гамъ кругомъ стоятъ такой, что на первыхъ порахъ совершенно теряешься. Звуки шарманокъ, гармоній, кларнетовъ, барабановъ и бубенъ сливаются съ визгами „Петрушекъ", зазываніями торговцевъ и „раёшниковъ", скрипомъ „перекидныхъ качелей" и выкриками „дѣда". Словомъ, веселье бьетъ ключомъ!

Однако, позвольте разсказать все по порядку.

На первой линіи высятся три или четыре большихъ балагана, громко именуемые „театрами".

Строятся всѣ они на одинъ фасонъ, въ видѣ огромныхъ неуклюжихъ сараевъ, съ массой входовъ и выходовъ по бокамъ. Входы эти украшены декоративной живописью, флагами и лампіонами. Тутъ-же нѣсколько кассъ. Внутри: сцена, оркестръ и затѣмъ идутъ лѣстницей ложи, кресла, первое, второе и третье мѣста. Цѣны недорогія, отъ рубля до двугривеннаго, причемъ „солдаты и дѣти платятъ половину". Впускъ публики начинается съ ложъ. Когда всѣ уже усѣлись, тогда подъ самой крышей распахиваются широкія ворота третьяго мѣста и зрители буквально высыпаются, какъ горохъ изъ прорвавшагося мѣшка, и бѣгутъ съ шумомъ и визгомъ по наклонной плоскости, стараясь устроиться впереди другихъ. Не дай Богъ, если кто нибудь упадетъ—раздавятъ!

Освѣщеніе всюду керосиновое и очень скудное, только сцена залита свѣтомъ. Въ пожарномъ отношеніи всѣ эти „театры" страшно опасны, и теперь, вѣроятно, ихъ ни за что-бы не разрѣшили, но тогда на вещи смотрѣли проще...

Устройство сцены самое примитивное. Никакихъ машинъ и въ поминѣ нѣтъ, все дѣлается руками. Чистая перемѣна декорацій, всегда поражавшая публику своей быстротой, производится „живымъ грузомъ". Плотники, по кулиснымъ лѣстницамъ, взбираются на самый верхъ и по сигналу, схватившись за веревки декорацій, бросаются внизъ.

Актерскія уборныя узкія, сырыя и холодныя. Чтобы хоть нѣсколько согрѣться, приходится прибѣгать къ „живительной влагѣ", на актерскомъ языкѣ „впустить въ себя зензюбель". Актеры и актрисы пьютъ одинаково и зачастую къ послѣднему представленію „лыка не вяжутъ".

Впрочемъ, не будемъ останавливаться на этихъ темныхъ сторонахъ дѣятельности „жрецовъ искусства"...

Подъ № 1-ымъ стоитъ „Театръ Малафѣева", въ которомъ изъ года въ годъ даются разговорныя представленія, заимствованныя или изъ русскихъ сказокъ, или изъ историческихъ событій вродѣ „Осады Севастополя" или „Покоренія Кавказа".

Въ большихъ „театрахъ" и декораціи, и костюмы всегда вполнѣ приличны. Вспоминая теперь эти представленія, только диву даешься, какъ это тогдашніе режиссеры ухитрялись, на сравнительно очень небольшой сценѣ, ставить сраженія, въ которыхъ участвовала и конница, и пѣхота, и артиллерія? Во всякомъ случаѣ, зрѣлища эти производили сильное впечатлѣніе на публику, состоящую не только изъ дѣтей и простого народа. Въ тѣ времена „весь Петербургъ" считалъ модным посѣщеніе балагановъ.

Въ заключеніе всегда выступалъ очень хорошій русскій хоръ подъ управленіемъ старика Молчанова, пользовавшійся шумнымъ успѣхомъ.

Но, говоря откровенно, намъ „Театръ Малафѣева" нравился меньше другихъ. Въ немъ не было ничего чудеснаго, сверхъестественнаго, что такъ увлекаетъ, заинтересовываетъ. Мы *должны были* посѣтить его, чтобы видѣть все и не оскандалиться передъ товарищами. Иначе до Пасхи не о чемъ будетъ и разговаривать...

№ 2-ой — „Театръ Берга". Вотъ это нашъ самый любимый театръ! Въ немъ ставится арлекинада. Ахъ, что это за прелесть! Положительно, лучше этого ничего нѣтъ на свѣтѣ! Арлекинъ, Пьерро или Мельникъ, Коломбина, Кассандръ—наши герои. Ими мы бредимъ. Подумайте сами, какія изумительныя превращенія! Арлекина, на глазахъ у всѣхъ, разрѣзаютъ на части, забиваютъ въ пушку и стрѣляютъ, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, оживаетъ, насмѣхается надъ старымъ Кассандромъ, бьетъ глупаго Пьерро и похищаетъ Коломбину!

Во всемъ этомъ было такъ много неразгаданнаго для нашего пытливаго ума, хотя мы и не соглашались съ мнѣніемъ простого народа объ „отводѣ глазъ". Нѣтъ, тутъ, очевидно, было какое-то волшебство, и втайнѣ каждый изъ насъ мечталъ достать магическую палочку Арлекина. Посмотрѣли-бы мы тогда, что изъ этого вышло!

Если-бы позволило время, мы просиживали-бы по нѣсколько представленій въ этомъ театрѣ, но, увы, въ одинъ день *мы обязаны* побывать всюду.

№ 3-ій—обязательно звѣринецъ, который для насъ, уже вкусившихъ плодовъ просвѣщенія, былъ менѣе всего интересенъ.

На размалеванныхъ холстахъ, болтавшихся надъ зданіемъ звѣринца, были изображены животныя всѣхъ странъ свѣта, а на самомъ дѣлѣ ими даже и не пахло. Вмѣсто зебры показывали раскрашеннаго жеребенка; лисицу изображала дворняжка, зашитая въ лисью шкуру, раскрывая своимъ лаемъ плутни изобрѣтатель-

Катанье „на чухнахъ" въ Петербургѣ.

(Рис. изъ соврем. „Нивы").

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

Балаганы на Адмиралтейской площади (1869 г.). Карт. масломъ К. Е. Маковскаго.

(Хранятся въ музеѣ Александра III).

наго „импрессаріо". „Шестиногій теленокъ" съ очень неискусно придѣланными ногами, вызывалъ только наши насмѣшки.

Но простой народъ валомъ валилъ посмотрѣть эти „чуда природы", между которыми непремѣнно фигурировалъ скелетъ необыкновеннаго экземпляра животнаго міра, происшедшій будто-бы отъ носорога и акулы или мартышки и попугая. Не мало находилось наивныхъ людей, которые вѣрили въ подобный вздоръ и подолгу простаивали возлѣ скелета, многозначительно покачивая головами. Мало-ли чудесъ на свѣтѣ!

Господинъ, дающій объясненія въ звѣринцѣ, плелъ такую околесицу, что уши вянули, а когда ему дѣлали замѣчанія, онъ отговаривался:

— Это не для васъ, это для простого народа!

* * *

За первой линіей балагановъ разгаръ веселья, настоящій „базаръ житейской суеты". На скамейкахъ, за столиками, расположились рабочіе, солдаты, прислуги и пьютъ съ промерзшими баранками, которыхъ не раскусить, коричневую бурду, именуемую сбитнемъ. Она кипятится тутъ-же въ колоссальныхъ размѣровъ мѣдномъ самоварѣ, отапливаемомъ березовыми полѣньями. Самоваръ неистово дымитъ, но на такія пустяки никто не обращаетъ вниманія.

Рядомъ примостился „раёшникъ".

— А вотъ извольте посмотрѣть,—вопитъ онъ,—городъ Парижъ, туда пріѣдешь—угоришь!

Прильнувъ къ запотѣвшему стеклышку, вы видите какую-то лубочную картинку, на которой ничего нельзя разобрать, а „раёшникъ" продолжаетъ:

— А вотъ Папа Римскій, что ни пьетъ водки Крымской, а все очищенную!

— Молодчина! — искренно восхищается кто-то.

Вѣдь тутъ все принимается за чистую монету.

Мѣняя картинку, „раёшникъ" неизмѣнно почему-то прибавляетъ, но уже совершенно другимъ тономъ:

— Идутъ и ѣдутъ!

Ѳ. П. Щедровскій. Музей Александра III.
Странствующіе музыканты.

Ѳ. П. Щедровскій. Музей Александра III.
Шарманщикъ.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

идетъ, кто ѣдетъ и куда—покрыто мракомъ неизвѣстности. ъ нѣсколько совершенно безсмысленныхъ картинокъ, онъ даетъ:

А вотъ извольте посмотрѣть, два дурака дерутся, а третій смотритъ!

Однако на картинкѣ видны только двое.

— Дяденька,—любопытствуетъ зритель,—а гдѣ-же третій?

— А ты-то!—хладнокровно отвѣчаетъ „раешникъ" и заканчиваетъ: Хороша, да послѣдняя!

Сеансъ оконченъ. Платимъ пятачекъ и двигаемся дальше.

Передъ глазами мелькаютъ заманчивыя вывѣски съ изображеніемъ улыбающагося „Михеля", лукаво указывающаго пальцемъ на надпись: „Берлинскія пышки" или „Вѣнскія сосиски", которыя тутъ-же пекутся и варятся товарами въ бѣлыхъ колпакахъ и передникахъ. Изъ чего дѣлается то и другое—сказать трудно, такъ какъ вкуса въ нихъ нѣтъ никакого, но... „за вкусъ не берусь, а горячо будетъ".

Вдругъ въ толпѣ раздается взрывъ смѣха и перекатами идетъ по всей площади.

Это ужъ „дѣдъ" отличается.

Быть на балаганахъ и не послушать „дѣда", все равно, что быть въ Римѣ и не видѣть Папы.

Въ парикѣ и бородѣ изъ пакли, онъ снуетъ по балкону такъ называемыхъ „теплыхъ каруселей", построенныхъ въ два этажа со множествомъ входовъ, задернутыхъ занавѣсками, изъ-за которыхъ слышатся звуки шарманки, кларнета и бубенъ.

Рядомъ съ „дѣдомъ" юлитъ традиціонная „казачка", набѣленная и нарумяненная, какъ кукла

На нее, впрочемъ, „дѣдъ" обращаетъ мало вниманія, развѣ изрѣдка попляшетъ, да похлопаетъ ее на потѣху почтеннѣйшей публики, которая, развѣсивъ уши, слушаетъ его разглагольствованія.

— У меня жена такая красавица, — хвастаетъ дѣдъ, — что лошади пугаются, а извозчики ругаются! Полюбуйтесь-ка!

И показываетъ ея портретъ, не имѣющій человѣческаго подобія.

— Поштенные, торопитесь брать билеты на мою лоттерею,— предлагаетъ онъ.—Разыгрывается кофейникъ, безъ крышки, безъ дна, только ручка одна! И еще письменный столъ, подъ краснымъ сукномъ, на замокъ запирается, а кто выиграетъ, у того назадъ отбирается!

Остроуміе дѣда вызываетъ фуроръ. Толпа хохочетъ до коликъ, а онъ, указывая пальцемъ куда-то, снова кричитъ:

— Православные, гляньте-ка, рыжій кошелекъ стащилъ!

Толпа волнуется, но это только шутка, хотя вообще дѣдъ относится къ рыжимъ съ большимъ предубѣжденіемъ.

Такъ какъ сильно морозитъ, дѣдъ поддерживаетъ въ себѣ температуру водочкой и, мало-по-малу хмѣлѣя, начинаетъ отпускать такія словечки, что приличная публика шарахается отъ балкона, какъ ошпаренная...

У „Стрельбы въ Цель" не протолкнутся. Люди положительно лежатъ одинъ на другомъ, сопровождая возгласами одобренія каждый удачный выстрѣлъ и насмѣшками промахъ. Дѣвица, заряжающая ружья, умоляетъ публику „не напирать", но ея мольбы остаются не исполненными, и животрепещущая постройка грозитъ каждую минуту разрушеніемъ...

„Петрушка Уксусовъ" изъ себя выходитъ, хлопая „мудрое начальство въ деревянный лобъ", за что въ концѣ концовъ и попадаетъ въ руки страшнаго Сатаны. Но особеннымъ успѣхомъ онъ не пользуется, такъ какъ его можно видѣть круглый годъ повсюду.

Идемъ дальше.

„Перекидныя качели" такой первобытной постройки, что и глядѣть-то на нихъ страшно. Но русскій народъ ничего не боится! Длинный хвостъ ждетъ очереди. Съ визгомъ, высоко вздымаются каютки съ четырьмя пасажирами и, сдѣлавъ въ воздухѣ кругъ, опускаются. Ухъ, какъ сердце замираетъ! Зато сверху виденъ весь Царицынъ Лугъ, кишащій, какъ огромный муравейникъ. Слабый полъ пронзительно визжитъ, не столько отъ страха, сколько изъ кокетства, а кавалеры посмѣиваются, щелкая подсолнечники...

Орѣховъ, пряниковъ цѣлые возы! А вотъ и знаменитая халва бѣлая и розовая, которую, чтобы отвѣсить, разрубаютъ топорниками. Безвкусная и клейкая, она вязнетъ между зубовъ, не позволяя разжать ихъ... Сайки съ икрой, моченыя груши, малиновый и лимонный квасъ, подозрительнаго цвѣта, все это безтрепетно поглощается желудками! На то и Масленица!

Переходимъ на слѣдующую линію.

Здѣсь балаганы въ меньшемъ видѣ. Въ одномъ показывается „женщина съ бородой", которую „просятъ руками не трогать", такъ какъ она... привязная и, „человѣкъ безъ желудка, глотающій горящую паклю". Зрѣлище не особенно занимательное. У входа „парадъ". Пьерро неестественной толщины,—у него подъ костюмомъ надѣто теплое пальто,—бьетъ въ турецкій барабанъ и осипшимъ голосомъ зазываетъ публику. Рядомъ съ нимъ дѣвица въ костюмѣ акробатки, по той-же причинѣ потерявшая человѣческій образъ, дуетъ въ тромбонъ...

Въ другомъ балаганѣ даютъ пьесы вродѣ „Кузьмы Рощина" или „Царя Навуходоносора". Декораціи ужасныя, костюмы и того хуже. Достаточно сказать, что царь Навуходоносоръ щеголяетъ въ турецкихъ шароварахъ, красномъ плащѣ и индускомъ тюрбанѣ. На шеѣ у него на цѣпочкѣ виситъ полицейскій свистокъ, въ который онъ свиститъ для перемѣны декорацій. Актеры тутъ второстепенные, да ихъ и немного, такъ какъ каждый играетъ по нѣсколько ролей. При покупкѣ билетовъ въ эти „театры" можно торговаться; уступаютъ 50 процентовъ.

Дальше виднѣются высокія ледяныя горы, почему-то называемыя „американскими", о какихъ теперь мы и понятія не имѣемъ...

Надвигаются сумерки. Первая линія „театровъ" освѣщается разноцвѣтными лампіонами, придавая имъ какой-то волшебный видъ...

Вокругъ Царицына Луга движется вереница всевозможныхъ экипажей. Въ каретахъ катаютъ институтокъ, съ любопытствомъ разсматривающихъ необыкновенную для нихъ картину...

Нанявъ снова вейку, мы съ грустью покидаемъ мѣсто веселья, нахватавшись всевозможныхъ впечатлѣній и набивъ животы всякой дрянью...

Прощайте, милые балаганы, до Пасхи!..

Левъ Ивановъ.

Катальная гора въ Ораніенбаумѣ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

ЦЫГАНЕ.

Цѣлая полоса русской жизни, воспѣтая Апухтинымъ, Островскимъ, Лѣсковымъ, Щедринымъ, гр. Растопчиной, Серг. Атавой, Боборыкинымъ и другими, отходитъ въ область преданія.

Въ числѣ „забавъ" чуть ли не первое мѣсто недавно еще занимало цыганское пѣніе, которымъ даже въ торжественныхъ случаяхъ, на раутахъ, угощали пріѣзжихъ гостей—французовъ и англичанъ, какъ чѣмъ-то, наряду съ катаньями на тройкахъ, неизбѣжнымъ традиціонно „русскимъ", хотя гр. Ал. Толстой совершенно вѣрно замѣтилъ о происхожденіи цыганскихъ напѣвовъ— „изъ Индіи дальній напѣвъ прилетѣлъ", а авторомъ наиболѣе популярныхъ цыганскихъ пѣсенъ оказывается инженеръ пут. сообщ. ген. А. Н. Андреевъ...

И вотъ цѣлая область искусства, если только можно назвать искусствомъ это музыкальное декадентство, отходитъ въ область преданія... Дѣла нашихъ цыганскихъ хоровъ обстоятъ неважно—это цыгане сами сознаютъ. Поютъ сейчасъ въ Россіи три четыре хора—и только.

* * *

Цыганскій хоръ, по приглашенію гостя, не замедлитъ явиться на зовъ въ кабинетъ ресторана, пестрый, разряженный. Кромѣ обычно принятаго въ такихъ случаяхъ „угощенья" (виномъ)—за каждую спѣтую пѣсню обыкновенно взимаютъ 5 руб. и меньше двадцати пѣсенъ, бывало, не поютъ, такъ что за какой нибудь часъ надо выкинуть сотни двѣ, тогда они довольны, и дѣлятъ на другой день, со спорами, въ своемъ трактирѣ на Черной рѣчкѣ или на квартирѣ Шишкиныхъ, заработанныя наканунѣ деньги, между всѣми, на „пай": судя по тому, сколько кто изъ семей поющихъ въ хорѣ имѣетъ „паевъ", тотъ столько и получитъ.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

ЦЫГАНКИ.

Варя Данченко (вверху).
Маня Данченко (внизу).

Катя Зубова (вверху).
Московская цыганка Гроховская (внизу).

Шура Масальская
Дамаша Данченко
Шура и Лёля Ильинскія } посредине — сверху внизъ

М. Х. Шишкина.

Маня Ильинская.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

Московскій цыганскій хоръ въ подмосковномъ имѣніи графа Орлова-Давыдова „Отрада" (въ 60-хъ годахъ).

Съ рѣдкой современной фотографіи.

Безсонныя ночи въ хору, ежедневное хожденье въ 11 час. ночи, во всякую погоду, часто пѣшкомъ и „безъ дѣла" въ отдаленные загородные рестораны, конечно, тяготятъ цыганку, ей хочется пожить „настоящей жизнью", а не сидѣть наряженной куклой, ждущей иногда безцѣльно до самаго утра гостей и обязанной, часто для семьи, способствовать ихъ пьяному веселью, разгулу, забавлять и тянуть съ пьянаго гостя все что можно и въ то же время „соблюдать себя", ибо за ней учрежденъ неослабный, негласный надзоръ, въ лицѣ „старшинъ" хора, выборныхъ стариковъ, въ рискованный моментъ появляющихся словно изъ подъ земли. Такая жизнь опостылѣла большинству цыганокъ, и это вполнѣ понятно.

* * *

Недавно въ одномъ изъ поющихъ въ Петроградѣ хоровъ была „восходящая звѣзда", которая такъ и не успѣла взойти, умерши отъ чахотки, послѣ романическаго похищенія ея изъ „Аквариума" свѣтл. княземъ ***, поселившимъ ее въ роскошномъ особнякѣ на Англійской набережной. Восходящую звѣздочку звали Шура Массальская. Тоненькая, полуребенокъ, со смуглоатымъ личикомъ, съ большими черными, жгучими глазами, — эта 15 лѣтняя дѣвочка одарена была на рѣдкость сильнымъ, красивымъ грудным контральто. Князь увезъ на собственномъ автомобилѣ, почти на глазахъ у цыганъ, ихъ „восходящую звѣзду" и первую солистку...

Не менѣе романическое похищеніе состоялось, не задолго до закрытія, въ Крестовскомъ саду. Сынъ богатаго помѣщика, прозванный цыганами „Чертъ Ивановичъ", пріѣхалъ на Крестовскій, занялъ кабинетъ и позвалъ цыганъ. Съ нимъ бѣжала подъ утро Варя Данченко, красивая дѣвочка, вовсе и не похожая на цыганку, блондинка, съ большими сѣрыми глазами, тогда уже, въ 15 съ чѣмъ-то лѣтъ, сводившая съ ума блестящую молодежь и старыхъ цыгаманомановъ, вѣчно окруженная блестящими правовѣдами и лицеистами. Помню передъ тѣмъ таинственныя свиданія ея съ похитителемъ въ ресторанѣ Кюба на Каменномъ островѣ, куда она ѣздила и привозила оттуда бонбоньерки засахаренныхъ каштановъ, разсказывая мнѣ, что тамъ она, сидя вдвоемъ, поетъ съ распущенными волосами. Этотъ побѣгъ былъ устроенъ по всѣмъ правиламъ, какъ въ романахъ Марлинскаго.

Всю ночь, до закрытія ресторана, лицеистъ сидѣлъ съ любимой дѣвушкой, было весело, пѣли и пили, а только забрезжилось — къ зимнему Крестовскому подкатила тройка съ бубенцами, на которой онъ умчалъ свою

Цыганская пляска. Старинная литографія изъ собр. А. А. Плешеева.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

...юбленную. — „Я бе... о люблю его... од...“, — шептала краснѣя и волнуясь, успѣвшая передъ уходомъ улучить минутку и подойти незамѣтно къ моему столику, цыганка Варя. — „Сейчасъ бѣгу изъ хора съ Чертомъ Ивановичемъ“. Это говорила она, вся трепетъ и волненіе, зардѣвшаяся, почти дѣвочка-цыганка, выросшая на моихъ глазахъ въ строгой „церковной“, патріархальной семьѣ, и я не могъ ей не вѣрить, особенно когда на другой день при встрѣчѣ съ ея матерью и сестрами я видѣлъ, какое горе и слезы причинилъ имъ ея неожиданный побѣгъ. Въ этотъ же день старшая сестра, по прозванью „Галка“, получила письмо „Черта“ съ объясненіями, что Варя ушла навсегда и покинула хоръ и семью. Всѣ, конечно, возмущались, особенно заправилы хора, неполучившіе отъ богатаго „гостя“ ни гроша выкупа, причемъ и его, доставлявшаго хору большой доходъ, они безвозвратно теряли вмѣстѣ съ ней. Впрочемъ, выкупы изъ хора вообще стали рѣдки, побѣги участились, а въ послѣднее время выкупы совсѣмъ прекратились.

Цыганскій таборъ у гор. Измаила.

Фот. Т. Л. Чернятынскаго.

Семья цыганъ Ильинскихъ (въ Петроградѣ).

Незадолго передъ тѣмъ блестящій гвардеецъ князь Ѳ. П. Массальскій (убитый въ бою подъ Ляояномъ) увезъ безъ всякаго выкупа сестру Вари—красавицу Домашу, причемъ побѣгъ устроенъ былъ изъ квартиры родителей, среди бѣла дня. Вмѣстѣ съ Домашей бѣжала и способствовавшая ея побѣгу, задушевная ея подруга, выросшая сиротой въ этой семьѣ, 16-ти лѣтняя Дуня. Князь только что кончилъ тогда Лицей, и это было первое его, чистое юношеское и послѣднее увлеченіе. По смерти князя Домаша вышла замужъ за гитариста и дирижера цыганскаго хора Алексѣя Шишкина.

Еще нѣсколько цыганскихъ браковъ, нашумѣвшихъ въ свое время.

Цыганку Лизу Панкову „увезъ“ изъ Крестовскаго сада С. П. Араповъ, женившійся на ней. Лиза Морозова изъ Акваріумовскаго хора вышла замужъ за покойнаго нынѣ свѣтл. князя Витгенштейна; Груша Панкова—за помѣщика Анненкова. Извѣстный публицистъ С. женился на солисткѣ Шишкиной изъ Самарканда, а ея сестра Ольга вышла замужъ за сына бывшаго морского министра Б. На Дунѣ Васильевой женился литераторъ К., на Лизѣ Хлѣбниковой—покойный нынѣ издатель „Биржевыхъ Извѣстій“ П. Ф. Левдикъ, на Лелѣ Ильинской—инж. Ц., и т. д.

Выходя замужъ, становясь богатыми, цыганки остаются обыкновенно друзьями своего хора, въ трудную минуту помогаютъ ему. Цыганка первая по богатству, Ольга Андреевна Шишкина, и посейчасъ сохранила теплыя отношенія съ той средой, откуда она вышла. Такъ же и Сольская, бывшая цыганка Шишкинскаго хора, и другія...

Въ послѣднее время о цыганскихъ бракахъ не слышно. Вообще „цыганоманія“ вымираетъ. И кутежей былыхъ не стало. А бывало еще недавно—цѣлой ватагой нагрянетъ къ цыганамъ на квартиру компанія загулявшихъ гостей или въ имѣніе къ богатому помѣщику весь хоръ выпишутъ, и начнется „пиръ на весь міръ“, пиръ у „Потёмкина“, какъ называли цыганки разухабистый кутежъ со швыряньемъ денегъ.

Н. Н. К.

Исай Дворищинъ,
режиссеръ.

Этотъ портретъ Шаляпинъ нарисовалъ пальцемъ, размазывая гримировальныя краски, на двери закулисной уборной Народнаго дома (въ Петроградѣ).

(Фот. М. П. Огнева).

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

ИВАНОВСКОЕ.

Прудъ въ саду и церковь.

Входъ дома со стороны сада.

Имѣніе Костромского Губерниск. Предвод. Дворянства, Сергѣя Ивановича Бирюкова, **Ивановское**, Костромского уѣзда.
Пріобрѣтено дѣдомъ его въ 1835 году отъ кн. Виземскихъ, когда и былъ выстроенъ существующій и понынѣ усадебный домъ.

Галлерея предковъ.

Наталья Серг. и Варвара Серг. Бирюковы, сестры милосердія, съ начала войны работали въ Костромскомъ госпиталѣ Краснаго Креста, а затѣмъ младшая, В. С. весною была командирована мѣстною Федоровскою общиною въ Варшаву, гдѣ работала въ Костромскомъ госпиталѣ и послѣ его эвакуаціи изъ Варшавы продолжаетъ служить въ немъ же, въ Петроградѣ.

Галлерея коронованныхъ особъ и историческихъ лицъ: Барклай-де-Толли, Кутузовъ и проч.
Мебель краснаго дерева, работы старинной фирмы Гамжа, съ 40-годовъ стоитъ зимой въ нетопленныхъ комнатахъ, а лѣтомъ отогрѣвается, и нигдѣ даже фанера не треснула.
Рядомъ съ этой комнатой — старинная библіотека, въ которой имѣются: Первое изданіе Исторіи Государства Россійскаго Карамзина; за цѣлые года: Современникъ, Московскій Телеграфъ и проч. Мебель тоже старинная, краснаго дерева.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Фокинъ не прибавилъ себѣ лавровъ послѣдними своими [illegible]тами.

— А всетаки идея выразить въ танцахъ стенанія душъ грѣшниковъ въ Дантовомъ аду оригинальна и смѣла... Изъ „Франческа да Римини", съ этой дивной музыкой, можно сдѣлать превосходный одноактный балетъ... только безъ убійствъ.

— Эти убійства и ужасы—bête noire нашей художественной мысли. Посмотрите на картинныхъ выставкахъ—все то же самое, ужасъ и боязнь дѣйствительно красиваго, въ особенности обнаженнаго. Французскій салонъ часто наполовину nu, и это никого не смущаетъ, ничьей морали не тревожитъ. Художникъ, который умѣетъ хорошо написать женское тѣло, напишетъ что угодно: это аксіома художниковъ. Нѣтъ ничего труднѣе для кисти или карандаша, какъ уловить малѣйшіе нюансы тѣла—нѣтъ рѣзкихъ тѣней, а полутѣни сплошь...

— Намъ нельзя вдаваться въ этотъ жанръ, мы сейчасъ же опошлимъ, нѣтъ чувства мѣры. Наши художники слишкомъ рѣдко образованы... Не только художники—и литераторы тоже, все самоучки или изъ шестого класса. То громадное знаніе, та эрудиція, какой блещутъ западно-европейскіе писатели, у насъ встрѣчаются только какъ оазисы въ пустынѣ...

— Наши считаютъ, что имъ уже не надо ежедневно, до конца жизни, учиться и быть въ курсѣ того, что думаютъ и дѣлаютъ другіе. Они хотятъ только писать—читать не обязательно...

— Вы слишкомъ строги! Есть извиняющія вину обстоятельства. У насъ писателю куда труднѣе жить, онъ принужденъ выколачивать строчки, подлаживаться подъ заказы журналовъ, и ему некогда работать надъ собой. Въ Англіи одна книга, имѣвшая успѣхъ, дѣлаетъ писателя независимымъ, почти богатымъ: она разойдется въ пятидесяти тысячахъ въ самой Англіи, а потомъ ему заплатятъ десятки тысячъ за право изданій въ Америкѣ, Индіи, Новой Зеландіи, Трансвалѣ... Тиражъ сто тысячъ легко достижимъ, а у насъ при большомъ успѣхѣ десять тысячъ экземпляровъ. Богатство писателей въ будущемъ, когда нашъ народъ станетъ читать...

— И не будетъ пить,—вставилъ кто то.

— Пить будемъ, но не такъ безобразно, какъ до сихъ поръ. Алкоголь даетъ яркость жизни, совсѣмъ безъ него тоска и уныніе. Вино переноситъ наше сознаніе въ четвертое измѣреніе и, по моему, до сихъ поръ не могутъ найти этого четвертаго измѣренія только потому, что его не тамъ ищутъ. Четвертое измѣреніе—это время, забвеніе... то забвеніе, которое лѣчитъ всѣ душевныя раны и даетъ разуму новые пути, совсѣмъ неожиданные... Вино переноситъ туда, вино ускоряетъ время.

— Вы по обыкновенію начинаете сыпать парадоксами, и потомъ сами же будете трунить надъ тѣми, кто приметъ всеріозъ.

— На этотъ разъ говорю искренно... Помните у Локка въ его „Бродягѣ" дворецъ дипсоманіи—капители колоннъ внизу, сами колонны падаютъ, куполъ повисъ, все спутано и вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ архитектурномъ безуміи пробивается что то геніальное... Въ самомъ дѣлѣ! какъ жаль, что не объявятъ до сихъ поръ такого конкурса, вотъ благодарнѣйшая фантазія для какого нибудь уставшаго отъ жизни, притупившаго впечатлѣнія, милліонера...

На этомъ разговоръ прервался ужиномъ и такъ и осталось не яснымъ, говорилъ ли онъ серьезно.

* * *

— Къ художественному новаторству критика должна подходить очень осторожно. Тамъ, гдѣ сразу кажется только кривлянье и рекламная шумиха, можетъ быть таятся результаты большой работы, искорки генія, линіи новыхъ путей, которые еще не ясны всѣмъ, кромѣ самого художника...

— Я помню, говорилъ большой художникъ, какъ профессоръ въ Академіи пичкалъ ихъ, учениковъ тогда, Полемъ Веронезомъ—„Поль Веронезъ, Поль Веронезъ.... на каждомъ шагу Поль Веронезъ... А мы ничего въ этомъ Веронезѣ найти не могли. Много разъ послѣ того я видѣлъ въ разныхъ галереяхъ Поля Веронеза и всетаки ничего исключительнаго въ немъ не находилъ. И вотъ недавно, въ Москвѣ, мнѣ пришлось писать женскій портретъ. Начиналъ нѣсколько разъ и все не ладилось... И вдругъ я увидѣлъ Поля Веронеза! его тона, увидѣлъ ихъ на кожѣ, на платьѣ, сразу точно какое то просвѣтлѣніе... Сорокъ лѣтъ не видалъ ихъ, а тутъ вдругъ увидѣлъ, и тогда портретъ былъ оконченъ въ нѣсколько сеансовъ. Я вспомнилъ профессора и понялъ только черезъ сорокъ лѣтъ Поля Веронеза"...

Этотъ разсказъ я слушалъ тогда съ большимъ интересомъ. Я не художникъ, но съ годами сталъ понимать и видѣть то, чего раньше не понималъ и не видѣлъ. Иногда это приходитъ съ годами, иногда даръ Божій отъ рожденія...

Всѣ новыя направленія и школы создавались изъ неуклюжихъ часто исканій. Исканіе—это тотъ священный порывъ, который движетъ культурой. Вспомнить хотя бы недавнее—французскій импрессіонизмъ или блеклые тона Пювисъ де Шованна или даже нашего Нестерова: они были странны, непривычны, потомъ глазъ привыкъ и это странное осталось звеномъ въ вѣчной цѣпи искусства. Такихъ примѣровъ десятки, сотни, во всѣхъ областяхъ жизни культурнаго духа, не только въ художествѣ.

И вотъ всетаки, такъ оговорившись, все перебравши въ мозгу, не можешь сказать, что выставка „Міра Искусства" блещетъ искорками исканій, что тутъ лабораторія новыхъ путей, что тутъ таланты новаго творчества—тускло, мизерно и холодно на полотнахъ, какъ холодно и въ залахъ, гдѣ они развѣшаны...

— За немногими исключеніями—добавилъ кто то.

Эскизъ карандаш. Фенди (1823 г.).
Изъ альбома П. И. Кёппена.

СТАРИННЫЕ АЛЬБОМЫ АКАДЕМИКА П. И. КЕППЕНА.

Родоначальникомъ всѣхъ альбомовъ надо считать тѣ средневѣковые большіе каталоги, которые хранились въ монастыряхъ и предназначались для почетныхъ посѣтителей, куда они и заносили свои имена, иногда съ выдержками изъ различныхъ текстовъ священнаго писанія или изъ древнихъ авторовъ. Впослѣдствіи, особенно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ почти каждый нѣмецкій студентъ имѣлъ при себѣ въ карманѣ или въ сапогѣ „stammbuch".

Въ каникулярное время, возвращаясь изъ университета домой (обыкновенно пѣшкомъ), а также во время обратнаго слѣдованія на ученье, студентъ захаживалъ обыкновенно въ разные ближайшіе города и деревни къ тому или другому знаменитому профессору (въ ту пору было много извѣстныхъ гуманистовъ) и предлагалъ ему свою записную книжку для автографа, которые чаще всего дѣлались на латинскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

У П. Л. Вакселя въ его обширномъ музеѣ сохраняется одинъ изъ подобныхъ stammbuch'овъ, принадлежавшій нѣкогда Доппельмейеру изъ Нюрнберга (начало XVIII вѣка).

Я вспомнилъ о студенческихъ stammbuch'ахъ именно потому, что къ нимъ, какъ нельзя болѣе, примыкаютъ альбомы академика П. И. Кёппена (1793—1864 г.),—извѣстнаго статистика и слависта, бывшаго однимъ изъ учредителей императорскаго географическаго общества.

Въ старинныхъ переплетахъ съ золотыми обрѣзами и металлическими застежками, въ кожаныхъ футлярахъ, они по внѣшности и по внутреннему содержанію (преобладаетъ тотъ же профессорскій элементъ) удивительно напоминаютъ ихъ, но только отличаются несравненно большимъ объемомъ и относительной роскошью.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASGP

никогда не любилъ задавать тонъ, какъ какой-нибудь Кукольникъ или Бенедиктовъ. Вмѣстѣ съ Татынскимъ онъ однажды сочинилъ эпиграмму на князя Шаликова, участвовалъ въ составленіи экспромптовъ вмѣстѣ съ Батюшковымъ, Жуковскимъ и А. А. Плещеевымъ, написалъ съ Дельвигомъ комическую элегію на смерть старой тетушки, внесъ свою лепту въ веселый „канонъ" Глинкѣ, сочиненный пріятелями по случаю успѣха его „Жизни за Царя". Поэтъ А. И. Подолинскій вспоминалъ, какъ однажды Пушкинъ обратился къ нему: „помогите намъ состряпать эпиграмму" (это была знаменитая эпиграмма на Каченовскаго „Въ Элизіи Василій Тредьяковскій"...— „Русс. Архивъ" 1872 г., ст. 859). Сообща съ Языковымъ онъ составилъ нѣсколько пародій на апологи Дмитріева. Извѣстны еще два-три такіе случая, когда Пушкинъ, со своей очаровательной простотой, принималъ равное съ другими, гораздо ниже его стоявшими авторами, участіе въ коллективной, большей частью шуточной, работѣ. Но, въ своей душевной щедрости, онъ иногда дарилъ гораздо больше; такъ онъ уступилъ юношѣ В. П. Титову готовые контуры разсказа „Уединенный домикъ на Васильевскомъ островѣ", отдалъ Гоголю фабулу „Ревизора"...

Къ Давыдову же Пушкинъ не только относился сочувственно, но питалъ настоящее „влеченье, родъ недуга". Доходя вообще до крайности въ своихъ дружескихъ пристрастіяхъ (всегда только въ дружескихъ и никогда во враждебныхъ), Пушкинъ чрезмѣрно переоцѣнивалъ Давыдова и какъ человѣка, и какъ поэта, не замѣчалъ его вѣчнаго „себѣ на умѣ" и противнаго хвастовства, его вліянію приписывалъ свою независимость отъ авторитетовъ Жуковскаго и Батюшкова („онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ"), разсказывалъ, что „въ молодости старался подражать Давыдову въ крученіи стиха и усвоилъ его манеру навсегда", писалъ ему посланія, съ поразительной легкостью воспринимая въ нихъ его залихватскій стиль.

Илья, о которомъ говоритъ Пушкинъ, — самый выдающійся цыганскій пѣвецъ и хоровой регентъ той эпохи. Хотя Пушкинъ засталъ его уже „старымъ хрычомъ", онъ пережилъ поэта. Онъ былъ настоящей знаменитостью, этотъ Илья или, какъ его не безъ почтительности называли даже въ печати, Илья Осипычъ. Тогда было золотое, уже невозвратимое время расцвѣта цыганской пѣсни, еще не запачканной кафешантанной и опереточной пошлостью, еще дышавшей стихіей здоровой, крѣпкой народности и непосредственнымъ чувствомъ. Самый бытъ цыганъ былъ еще чистъ и неиспорченъ, цыганки изъ табора—случаевъ было не мало — честными женами входили въ ряды титулованной русской аристократіи (на цыганкѣ былъ женатъ двоюродный дядя Льва Толстого, извѣстный Ѳ. И. Толстой—„Американецъ", и тоже на цыганкѣ, изъ семьи Шишкиныхъ, женился родной братъ великаго писателя, графъ Сергѣй Николаевичъ). Правда, и тогда встрѣчались скептики, не любившіе цыганскаго жанра, вродѣ Мятлева, автора „Курдюковой", который говорилъ, что

Слушать ихъ нельзя съ экстазомъ,
Развѣ лишь съ подбитымъ глазомъ...

Но такихъ было мало, и обаяніе цыганщины пряной длительной струей проходитъ по всей русской поэзіи отъ Державина и Пушкина до „Живого трупа". Еще любимѣе Ильи была московская цыганка Таня, „Татьяна-пьяная", „прославленная покойнымъ Пушкинымъ Таня" („Сѣверная Пчела" 1838 г.). Ея соловьиный голосъ далъ совершенно исключительную популярность „Соловью" Алябьева (Воспоминанія кн. А. В. Мещерскаго въ „Рус. Архивѣ" 1901 г., I, 113). Какъ умѣла дѣйствовать она на слушателей, объ этомъ лучше всѣхъ разсказала ея современница, поэтесса графиня Е. П. Ростопчина („Цыганскій таборъ", 1831 г.).

. . . Но вотъ гремящій хоръ внезапно умолкаетъ,
И Таня томная одна межъ нихъ слышна,
И голосъ пламенный до сердца проникаетъ,
И меланхолію вселяетъ въ немъ она.
Блѣдна, задумчива, страдальчески-прекрасна
Она измучена сердечною грозой,
На ней видна печать любови нѣжной, страстной,
И всѣ черты ея исполнены тоской.
О, какъ она мила!.. ея какъ грустно пѣнье,
Какъ сильно трогаетъ, какъ нравится она!..
Душа внимаетъ ей въ безмолвномъ наслажденьѣ,
Какъ бы предчувствіемъ нежданныхъ благъ полна.
Но если запоетъ она вамъ повѣсть страсти...
Но если о любви твердятъ ея слова...
О, сердцу слабому напѣвы тѣ бѣда!
Не избѣжитъ оно заразы ихъ и власти,
Не обойдутъ его тревога и тоска!

Эти властныя впечатлѣнія испытывалъ и Пушкинъ. Таня, которая умерла въ концѣ семидесятыхъ годовъ, передавала романисту Болеславу Маркевичу (см. его Сочиненія, т. XI), какъ Пушкинъ, встрѣтившись съ нею за нѣсколько дней до своей женитьбы у Нащокина, просилъ ее спѣть ему „на счастье" что-нибудь. „Только на сердцѣ у меня у самой было невесело въ ту пору, потому у меня былъ свой предметъ,—женатый былъ онъ человѣкъ, и жена увезла его отъ меня, въ деревнѣ засадила на всю зиму съ собой жить,—и очень тосковала я отъ того. И, думаючи объ этомъ, запѣла я Пушкину пѣсню,—она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мнѣ ее теперича пѣть, потому она будто, сказываютъ, не къ добру:

Ахъ, матушка, что такъ въ полѣ пыльно?
Государыня, что такъ пыльно?
Кони разыгралися... А чьи то кони, чьи то кони?
Кони Александра Сергѣевича...

Пою я эту пѣсню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосомъ то же передаю, и ужъ какъ быть не знаю, глазъ отъ струнъ не подыму... Какъ вдругъ слышу, громко зарыдалъ Пушкинъ. Подняла я глаза, а онъ рукой за голову схватился, какъ ребенокъ плачетъ"... В. А. Нащокина вспоминала, что „Пушкинъ любилъ цыганское пѣніе, особенно пѣніе знаменитой въ то время Тани". Долгіе годы спустя Аполлону Григорьеву („Русскія народныя пѣсни"— „Москвитянинъ" 1854 г.) разсказывали о другой цыганкѣ—Матренѣ, пѣньемъ которой также восхищался Пушкинъ.

Европейца, утонченника — Пушкина плѣняла въ цыганствѣ простота жизненнаго уклада, первобытная наивность міроотношенія, вѣющая въ цыганской пѣснѣ чѣмъ-то первозданно-свѣжимъ и здоровымъ среди „неволи душныхъ городовъ" и всей давящей душу сложности цивилизованнаго быта. Онъ навсегда сохранилъ счастливое воспоминаніе о нѣсколькихъ дняхъ юности, когда онъ бродилъ съ таборомъ бессарабскихъ цыганъ, „простую пищу ихъ дѣлилъ и засыпалъ предъ ихъ огнями, въ походахъ медленныхъ любилъ ихъ пѣсней радостные гулы"... А распростившись съ молодостью, онъ привѣтствовалъ встрѣтившійся ему гдѣ-то таборъ грустнымъ вздохомъ:

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры.
Я бы самъ въ иное время
Провожалъ сіи шатры.
Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете,—но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ...

И съ этихъ поръ въ творчествѣ Пушкина уже не слышится отголоска „поэзіи московскаго житья" (слова Языкова о Танѣ).

На такія литературно-романтическія воспоминанія наводитъ случайно сохранившійся клочекъ бумаги съ нѣсколькими стихами Пушкина.

Н. Лернеръ.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

ВЛАСТЬ ДОЛЛАРА.

(Къ рисунку).

На дняхъ мнѣ разсказывалъ одинъ русскій, превосходный піанистъ, какъ онъ, гостя въ домѣ американскаго милліардера, давалъ тамъ концертъ. Гости были восхищены русской музыкой, хозяинъ тоже, сыпались комплименты. Назавтра хозяинъ, здороваясь съ музыкантомъ, любезно задержалъ его руку въ своей, посмотрѣлъ и сказалъ:

— А сколько рабочихъ часовъ вы потратили на занятія музыкой, чтобы достигнуть такого совершенства?

Гость отвѣтилъ, что играетъ съ малыхъ лѣтъ, почти каждый день. Хозяинъ прикинулъ въ умѣ и продолжалъ:

— Это составитъ больше 20.000 рабочихъ часовъ... это сотни тысячъ долларовъ... Это очень дорого!..

Все, что не даетъ выгодной затраты капитала или времени, которое тотъ же капиталъ, непонятно янки. Долларъ — всеобщій богъ. Для него искусство, наука, литература, даже любовь...

Рисунки американскихъ художниковъ, даже каррикатуры и шаржи, вертятся все около того же бога—доллара.

Каррикатуру умудряются рисовать на паденіе и повышеніе курса, на банкротство банка, выгодную покупку акцій, уменьшеніе или увеличеніе производства. Долларъ—та единственная могущественнѣйшая сила, къ которой янки привыкаетъ стремиться съ пеленокъ, отъ первой игрушки, какая попадаетъ ребенку въ руки...

Жизнь становится сухой, однообразной, но зато это сулитъ владычество Америки надъ міромъ. Янки такъ думаютъ.

Но, вѣроятно, они ошибаются. Возможно, что богатства духа окажутся когда нибудь единственнымъ богатствомъ, что условная стоимость золота когда нибудь разлетится отъ одного усилія человѣческаго разума и тогда непреложные жизненные принципы янки окажутся химерой. А въ прошломъ будутъ уже потерянные вѣка служенія доллару, забвеніе духа, вѣка скучнаго, сухого, низменнаго существованія. Можетъ быть будетъ именно такъ?! *Вл. К.*

Автомобили, груженые англійскимъ золотомъ, на улицахъ Нью-Іорка (150.000.000 руб.).

Благодаря европейской войнѣ, Америка наживаетъ колоссальныя суммы на военныхъ заказахъ, получая своего рода „мирную контрибуцію" отъ Европы.

„Муки творчества". (Изъ америк. журн.).

„Кукла для куклы". (Studio).

Дѣтскій балетъ въ „Савой", изъ Лондонскаго high life, для устройства дѣтскаго госпиталя. (Lady's Pictorial).

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

Е. С. Кругликова. Силуэты („фіакры").

ВЫСТАВКА „МІРЪ ИСКУССТВА".

Въ одномъ изъ боборыкинскихъ романовъ героиня собирается сначала войны замужъ „на черно", а потомъ уже „на бѣло".

Въ текущемъ сезонѣ „Міръ Искусства" представитъ дважды. Сначала въ „этюдномъ", а потомъ уже въ „настоящемъ" видѣ. Этюдъ часто бываетъ свѣжѣе и интереснѣе законченной картины, но для этого онъ долженъ быть искреннимъ и талантливымъ. А эти то два качества, столь необходимыя, впрочемъ, и не только въ искусствѣ, „Міръ Искусства" уже утратилъ, замѣняя ихъ какими то головными измышленіями и исканіями, за которыми часто скрывается полная бездарность или крошечное, самостыдящееся дарованьице, прикрывающееся новаторской тогой. Ходульно, условно, полно рекламнаго оригинальничанья! Въ то же время эти пріемы никакъ не могутъ разсѣятьскуки, разлитой по выставкѣ.

Тусклы и явно ненужны эти декадентскія гримасы, вродѣ работъ Льва Бруни — „Мзекала съ кувшиномъ" или портретъ Бальмонта, похожій больше на утопленника, пролежавшаго долгое время на днѣ океана...

Впрочемъ, быть можетъ, тутъ и кроется глубина художественнаго замысла. Бальмонтъ недавно читалъ лекцію объ Океаніи?! Художникъ пишетъ съ него портретъ и видитъ его синимъ, какъ морская вода; Бальмонтъ скорѣе рыжій, чѣмъ синій! Съ такимъ славнымъ въ художественномъ мірѣ именемъ, унаслѣдовавъ безусловное художественное дарованіе, Бруни попалъ съ первыхъ шаговъ на художественномъ поприщѣ къ декадентамъ и въ результатѣ — скверно...

Одна подробность, или вѣрнѣе просто случайное наблюденіе. Наиболѣе кривляющіеся размѣщены почему то въ первыхъ залахъ, а дальше постепенно идутъ крупные и талантливые и, наконецъ, въ послѣдней залѣ — Александръ Бенуа.

Талантливый Кустодіевъ, по прежнему поражаетъ неожиданностями. Наряду съ отличными, строго выдержанными рисунками вродѣ „Петръ I", этюдъ къ картинѣ „Парадъ Финляндскаго полка" или пріятныхъ эскизовъ—декорація къ „Осеннимъ скрипкамъ", „Смерти Пазухина"; вдругъ опять вымазанная малиновымъ вареньемъ прошлогодняя „Красавица"...

Когда то цвѣтныя, красочныя гаммы Анисфельда обращали всеобщее вниманіе. Его постановка балета „Исламей" въ Парижѣ вызывала общій восторгъ своими смѣлыми, яркими до вызова сочетаніями. Теперь тотъ же Анисфельдъ пишетъ грязно-тусклыми тонами виды „Венеціи" и „Капри".

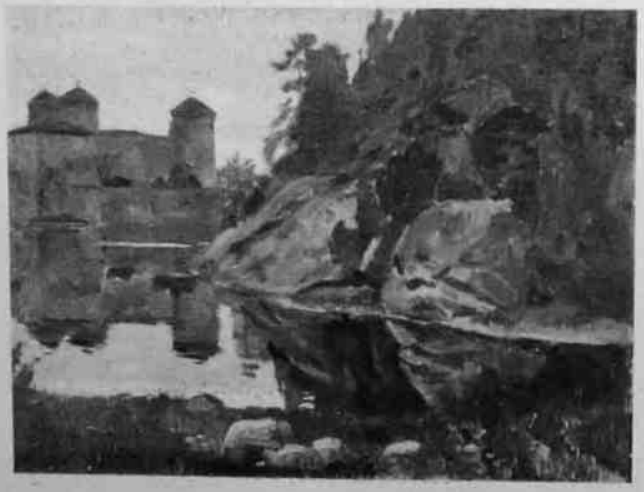
Какимъ то условнымъ, эротически - пряннымъ языкомъ, мало понятнымъ непосвященнымъ, Б. Григорьевъ разсказываетъ о Парижѣ,— „Институтъ для благородныхъ дѣвицъ" и даже о своей женѣ. Превосходный рисовальщикъ Добужинскій

Е. С. Кругликова. Силуэтъ.

Е. С. Кругликова. Силуэтъ.

П. В. Митуричъ. Рисунокъ.

О. Э. Бразъ. Финляндія. Олафсборгъ.



О. Э. Бразъ. Финляндія. Нейшлотъ.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

не далъ ничего новаго. „Віадукъ", „Элеваторъ" — мотивы уже имъ использованные.

Вмѣсто прежнихъ бойкихъ характерныхъ парижскихъ набросковъ г-жа Круглікова перешла на силуэты изъ черной бумаги вродѣ тѣхъ, что въ пять минутъ вырѣзаются на память на верхней площадкѣ Эйфелевой башни.

L'enfant terrible Петровъ-Водкинъ, на котораго нѣкогда возлагались такія надежды, пишетъ теперь чистымъ сурикомъ такіе

К. С. Петровъ-Водкинъ. „Въ саду".

В. П. Бѣлкинъ. „Дама въ платкѣ".

Б. М. Кустодіевъ. „У Прокофія Пазухина". (Эскизъ декораціи къ „Смерти Пазухина" — постановка Художественнаго театра).

10-я Осенняя выставка картинъ. С. С. Егорновъ. „Купальщица".

10-я Осенняя выставка картинъ. Е. Н. Клокачева. Англійская артистка — г-жа Дугласъ.

Фот. Кс. Глыбокской.

этюды головы Ангела, что передъ нимъ спасуетъ любая только что покрашенная крыша.

Пейзажъ Финляндіи обильно представленъ Бразомъ. Когда то онъ писалъ портреты А. Чехова, А. Соколова, и много лучше, чѣмъ теперь пейзажи. Другой пейзажистъ — Гаушъ однообразенъ и меланхоличенъ въ выборѣ мотивовъ: „Сѣрый день", „Сѣрый вечеръ", „Осень", „Осенняя листва". Въ русской жизни и природѣ такъ много сѣраго, что хочется, хотя бы въ искусствѣ, немного забыться отъ этой дѣйствительности.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

...еди графики, въ боль-...ѣ также весьма претен-..., есть недурные по за-... и тонкому исполненію рисунки Нарбута, Чехонина — „Рафаэлески" Шарлеманя — къ „Севастопольскимъ разсказамъ Л. Толстого", Митурича — „Фигурки", и друг.

Скульптура скромно представлена Оберомъ. Два проекта памятниковъ—Бельгійскому королю Альберту, и Сербамъ и „Лягушки, просящія за царя", исчерпываютъ скульптурный отдѣлъ. Оба проекта не выходятъ за предѣлы обычныхъ эскизовъ тѣхъ памятниковъ, которымъ никогда не суждено осуществиться.

Впечатлѣніе отъ выставки блеклое, чувствуется какая-то преждевременная дряхлость — „собачья старость" по образному народному выраженію.

С. Ко-въ.

10-я Осенняя выставка картинъ. **С. Я. Шишмаревъ.** „Послѣднее тепло" (въ лѣсу кн. Витгенштейновъ близъ Петрограда").

ТАОРМИНА.

(Изъ дорожнаго альбома).

„Если бы кому нибудь пришлось провесть въ Сициліи только одинъ день и онъ спросилъ-бы, что слѣдуетъ тамъ посмотрѣть, я бы, не колеблясь, отвѣтилъ,—Таормину".
Мопассанъ.

... Поѣздъ съ небольшой остановкой проходитъ Мессину и поворачиваетъ къ югу; дорога идетъ вдоль берега, — съ одной стороны крутые склоны, покрытые апельсинными рощами, съ другой — море, вода набѣгаетъ на берегъ почти къ самымъ рельсамъ.

Наступаетъ вечеръ, въ тѣсныхъ вагонахъ зажигаютъ огни; станціи мелькаютъ одна за другой. Остановка у Giardini. Тѣмъ, кто ѣдетъ въ Таормину, надо выходить. На платформѣ, одинокой и темной, съ трудомъ можно дозваться факкино. Парныя коляски стоятъ у станціи; кучеръ зажигаетъ фонари, щелкаетъ бичомъ, и коляска трогается по гладко укатанному шоссе. Дорога сразу поднимается въ гору, лошади идутъ шагомъ. Въ темнотѣ по обѣимъ сторонамъ бѣлѣютъ стѣны садовъ съ густой зеленью; сладкій запахъ тянется навстрѣчу. Часто встрѣчаются нарядныя дачи.

Развалины древняго греческаго театра въ Таорминѣ, направо склоны Этны.

Фот. В. А. Чоглокова.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

„НАШЪ БАЛЕТЪ“.

В. Я. СВѢТЛОВЪ.

Шаржъ Пама.

Вкладка № 48 „Ст. и Ус.“.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

Подъемъ продолжается верстъ пять. Съ каждымъ поворотомъ дорога поднимается все выше и выше, огни станціи Giardini видны уже далеко внизу. Черезъ часъ въѣзжаемъ въ Таормину.

* * *

Не зная города, очень трудно найти гостиницу, такъ какъ всѣ онѣ находятся въ узкихъ и темныхъ переулкахъ; добраться туда въ коляскѣ мудрено.

Таормина—небольшой городокъ, основанный, кажется, еще въ V вѣкѣ до Р. Х. Онъ тянется по самому краю обрыва на высотѣ 250 метр. надъ уровнемъ моря и состоитъ изъ одной единственной длинной улицы „Corso Umberto", отъ которой въ разныя стороны расходятся боковые переулки. Отель помѣщается надъ скалистымъ обрывомъ; съ балкона открывается чудесный видъ: далеко внизу море, на горизонтѣ берега Калабріи, а справа горы и надъ ними, занимая собой половину неба, величественная громада Этны.

Климатъ Таормины—мягкій, ровный; дождей здѣсь меньше, чѣмъ даже въ Палермо; зимой днемъ температура не ниже 10° Ц.

Жители, ихъ около 4.000, привѣтливые и услужливые; на улицахъ мальчишки не пристаютъ къ туристамъ. Жители Таормины упорно не желаютъ считать себя итальянцами, и называютъ сициліанцами.

Отели и пансіоны всѣ съ садами; лучшіе изъ нихъ закрыты съ конца мая по сентябрь.

* * *

Главная достопримѣчательность Таормины—греческій театръ „Teatro Antico". Онъ расположенъ въ восточной части города, въ концѣ Corso Umberto, въ пяти минутахъ ходьбы отъ него.

Театръ греческаго происхожденія (построенъ около 400 г. до Р. Х.), но въ свое время былъ перестроенъ римлянами. Мѣста для публики расположены полукругомъ и высѣчены въ скалѣ. Особенно хорошо сохранилась сцена, перестроенная во время Римской эпохи. Сохранились мраморныя колонны съ коринфскими капителями и часть мраморнаго карниза. Видны три двери для актеровъ, съ тремя нишами, въ которыхъ стояли статуи. Сидѣнья для публики были раздѣлены на девять секторовъ. Акустика постройки настолько хороша, что и теперь сверху можно отлично слышать все, что говорится на сценѣ. Театръ этотъ могъ заключать въ себѣ до 80.000 зрителей.

Видъ съ верхнихъ мѣстъ театра считается однимъ изъ самыхъ лучшихъ во всей Италіи.

Внизу—развалины театра, въ просвѣты которыхъ виденъ берегъ съ деревней Giardini и широкій морской заливъ. Правѣе—скалистый обрывъ, на которомъ лежитъ Таормина, и за нимъ поднимаются горные массивы Молла. На горизонтѣ возвышается гигантская пирамида Этны съ вершиной, запорошенной снѣгомъ...

Вл. Ч—овъ.

У ЦЫГАНЪ.

Подъ умѣлой рукой
Дрогнулъ голосъ струны,
И неясной тоской
Звуки пѣсни полны.

Шире... ярче мотивъ...
Зноемъ кровь всколыхнулъ—
Слышенъ властный призывъ
На безумный разгулъ.

А потомъ—вновь тоска...
Память прежней любви...
Чародѣйка рука,
Мучатъ пѣсни твои!

Сердцу слушать не въ мочь,
Въ сердцѣ плачетъ струна...
А разгульная ночь
И шумна и хмѣльна!

Г. Голохвастовъ.

КРАСОТА НАИВНОСТИ.

Не мало уже написавшій, всегда въ нѣжныхъ полутонахъ, о томъ, что было милаго—часто наивнаго—въ нашемъ прошломъ, В. В. Верещагинъ, съ такой любовью трактуетъ о женскомъ костюмѣ начала прошлаго столѣтія, что вмѣстѣ съ нимъ начинаешь проникаться сожалѣніемъ, что это наивно-милое ушло и никогда не вернется. Наши современныя женщины знаютъ гораздо больше чаръ туалета, чѣмъ тѣ, былыя—это несомнѣнно. Но тамъ, тогда, было особое обаяніе, которое теперь ничѣмъ не создашь, обаяніе непосредственности и наивности...

В. В. Верещагинъ въ своей превосходно изданной книгѣ „Памяти прошлаго" собралъ рядъ очерковъ, частью ранѣе напечатанныхъ (одинъ въ „Столицѣ и Усадьбѣ"), частью впервые печатаемыхъ.

Приводимъ съ разрѣшенія автора страничку о костюмѣ и прическѣ. Въ этомъ приблизительно, всегда мягкомъ, нѣжномъ тонѣ и вся книга. В. В. проходитъ мимо отрицательныхъ чертъ и любовно останавливается на несерьезномъ часто, но миломъ, вызывающемъ улыбку или вздохъ. Отрицательное не скрыто отъ него, но зачѣмъ тревожить лишній разъ мрачныя тѣни прошлаго...

...Послѣ долгихъ и краснорѣчивыхъ доводовъ заботливой матери, что „долгъ дѣвушки нравиться всѣмъ и всѣми способами, чтобы однимъ какимъ нибудь прельстить одного"—приступаютъ къ туалету. „Лизаньку намазали различными веществами, взятыми въ косметической лавкѣ Розенштрауха, который отпустилъ по запискѣ помаду „à la tubéreuse", духовъ „à la réséda", притираньe „lait virginal" и румяна „rose végétal",—и передъ баломъ уложили спать. Но скоро возвѣстили приходъ парикмахера. Лизанька вышла въ уборную полусонная, полуодѣта въ легкомъ каленкоровомъ капотѣ, который почти ничего не скрывалъ и въ которомъ видятъ дѣвушекъ однѣ горничныя и—хладнокровные парикмахеры. Ее посадили передъ зеркаломъ, окружили полдюжиной дѣвокъ, освѣтили свѣчами. Искусная гребенка пробѣжала по собственнымъ ея волосамъ; къ нимъ присовокупили двѣ косы и восемнадцать буколь, насадили кустарникъ цвѣтовъ, вплели бусовъ и шнурковъ, а заботливая маменька разъ десять передѣлывала всѣ труды парикмахера и все находила, что прическа не къ лицу.

Настало время приниматься за шнурованіе. Самъ Франкъ примѣрялъ „выразительный" корсетъ, лишнее ушилъ и урѣзалъ; двѣ смѣны самыхъ здоровыхъ горничныхъ затянули двойные шнурки,—Лизанька худѣла въ одномъ мѣстѣ, чтобы въ другомъ сдѣлаться роскошнѣе. Наконецъ принесли пару бѣлыхъ атласныхъ башмаковъ отъ госпожи Риссъ и чудесное произведеніе моднаго искусства—прозрачное флеровое платье отъ мадамъ Мегронъ, обшитое атласными фигурами, изображеніе которыхъ, составляющее предметъ гордости модныхъ торговокъ, есть доказательство генія и совершенства вкуса. На Лизаньку съ почтеніемъ надѣли эфирное вещество сіе... Но возможно ли!.. О горе!.. О злодѣяніе!.. Оно длинно!.. Заботливая мать приходитъ въ бѣшенство, несчастная Лизанька страдаетъ, служительницы падаютъ ницъ, подшиваютъ платье и открываютъ ноги, которыя уже не разъ привлекали злодѣйскіе лорнеты... Щеки покрыты румянцемъ... На шею Лизаньки надѣли заимообразные бриліанты, опрыскали и окурили благовоніями...—„Не забудь мои совѣты", громко сказала матушка, садясь въ карету. „Пошелъ", закричали трехаршинные лакеи.—„Счастливый путь", прошептали утомленныя служанки...

„Въ нынѣшнемъ костумѣ", говоритъ неизвѣстный хроникеръ Московскаго Меркурія 1803 года, „главнымъ почитается обрисованіе тѣла. Есть ли у женщины не видно сложенія ногъ отъ башмаковъ до туловища, то говорятъ, что она не умѣетъ одѣваться или хочетъ отличиться странностью. Когда Нимфа идетъ, платье искусно подобранное и позади гладко обтянутое показываетъ всю игру мускуловъ при ея каждомъ шагѣ".

...Чтобы производить такое эстетическое впечатлѣніе, платья дѣлались узкими изъ легкихъ, полупрозрачныхъ матерій: мусселина, батиста, крепа, перкаля или кисеи, плотно охватывавшихъ станъ и наглядно обрисовывавшихъ формы. Такія платья, иногда только съ низу обшитыя каймами изъ лентъ или гирляндами изъ листьевъ, иногда же со сплошь на нихъ вышитыми мелкими узорами, бывали всегда однотонныя и чаще всего бѣлыя, что именно и придавало имъ желаемый характеръ простоты и величія. Онѣ дѣлались спереди короткими, а сзади длинными, съ трэномъ и надѣвались на одну рубашку безъ юбки.

По мнѣнію женщинъ того времени, „самая тонкая юбка отнимала у самаго тонкаго платья всю прозрачность и обратила бы ихъ въ ханжей, которыя хотятъ быть умнѣе другихъ и безмолвно порочить всѣхъ кромѣ себя". Климатическія условія такъ мало, однако, соотвѣтствовали этой легкомысленной модѣ, что современныя щеголихи, отказавшись отъ ненавистной имъ юбки, принуждены были волей неволей замѣнить ее „исподнимъ платьемъ мужскаго покроя изъ трико тѣлеснаго цвѣта". Но матеріи наружнаго платья продолжали оставаться прозрачными, что по прежнему давало „богинѣ" возможность „торжествовать надъ стихіями, не страшась

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASCE

розовъ, ни лучей солнечныхъ и щеголять такими прелестями, ія прежде укрывали отъ любопытнаго взора Профановъ, священныя Египетскія таинства"! Эти раскрытыя прелести даже поводъ расточать женщинамъ такія похвалы, которыя, при существующихъ у насъ понятіяхъ о приличіи, показались бы намъ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстными. „Ни одинъ мущина уже не говорилъ о красотѣ рукъ или грудей; кто хотѣлъ сказать молодой дамѣ учтивость, тотъ хвалилъ сложеніе и формы нижнихъ ея частей".

Исходя затѣмъ, вѣроятно, изъ того же побужденія „никого безмолвно не порочить"—лифы, съ прямыми или сердцеобразными вырѣзами, спускавшимися на юбку въ видѣ крыльевъ бабочки, почти обнажали весь бюстъ и открывали спину, эффектно выказывая красоту шеи и красивую посадку головы. Это обнаженіе бюста еще болѣе подчеркивалось короткими таліями, которыя носили съ перехватомъ подъ мышками, при полномъ отсутствіи рукавовъ, замѣнявшихся помочами изъ лентъ, или при очень короткихъ рукавахъ, еле закрывавшихъ плечи. На руки, почти до плечъ, надѣвали длинныя, цвѣта замши, перчатки. Наконецъ, въ подражаніе костюму классической древности, ноги обувались въ „котурны"—древне-греческую обувь безъ каблуковъ, съ переплетенными на чулкахъ лентами, а поверхъ платья надѣвались легкія, не доходившія до колѣнъ, прозрачныя туники, прикрѣплявшіяся на плечахъ аграфами изъ бриллiантовъ, камней или золота, на античный манеръ. Всегда однотонныя, туники эти дѣлались цвѣта отличнаго отъ платья и обшивались каймами греческаго узора, узкими лентами или мѣховой опушкой (tunique à la russe). „Это были съ позволенія сказать чуть не просто рубашки", съ негодованіемъ говоритъ о нихъ въ своихъ воспоминаніяхъ Е. П. Янькова, извѣстная бабушка Д. Благово, прибавляя, что „разумѣется, порядочные люди не доходили до такихъ крайностей, а все же дурачились".

...Такую же простоту преслѣдовали и женскія прически, впавшія даже въ непонятную, въ этомъ отношеніи и уродливую крайность. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ ни у одной женщины не было достаточно волосъ для прически; теперь у всѣхъ,—ихъ оказалось слишкомъ много. Вмѣсто воздвигавшихся на головахъ щеголихъ высокихъ горъ, холмовъ, усыпанныхъ цвѣтами, луговъ пѣнистыхъ потоковъ изъ искусственныхъ прядей косъ и локоновъ, вмѣсто сложнѣйшихъ и громоздкихъ причесокъ, вродѣ „прелестной простоты" или „расцвѣтающей пріятности"—появились вдругъ гладко остриженныя головы или „половинная" стрижка головъ, съ бритыми или коротко подстриженными на затылкѣ волосами, въ подражаніе послѣднему туалету осужденнаго на казнь. Такія прически назывались сначала „à la victime" или „à la guillotine", а, впослѣдствіи, когда волосы начали завивать мелкими кудрями по всей головѣ,—„à la Titus".

...Блестящимъ метеоромъ промелькнула воздушная „богиня" начала XIX вѣка. Приблизительно съ 1806 года, въ ущербъ общей стильности наряда, женщины начали прикрывать свои чары. Исчезли легкія, полупрозрачныя ткани, утратилась ихъ благородная простота. Платья начали носить изъ болѣе плотныхъ матерій, гладкихъ: гро-муара, гро-детура, гро-гро, гро-д'оріана, сатенъ-тюрка, бомба и затканныхъ: пети-броше, пети-семе, гранъ-рамажъ (или „большая ромашка", какъ называли торговцы), матерій вышитыхъ золотомъ и серебромъ, и бархата. Отказались также отъ однотоннаго бѣлаго цвѣта, замѣнивъ его разными другими цвѣтами, которые, особенно къ 20-мъ годамъ, окрестили самыми странными и невѣроятными названіями: упавшей въ обморокъ лягушки (grenouille évanouie), испуганной мыши (souris effrayée), влюбленной жабы (crapaud amoureux), мечтательной блохи (puce rêveuse), и даже паука, замышляющаго преступленіе (araignée méditant un crime).

... Едва ли также, при такихъ короткихъ таліяхъ и платьяхъ, могли казаться изящными введенные въ 1808 году въ моду пышные, искусственно увеличивающіе ширину плечъ, рукава, которые носили въ видѣ буффовъ по французской модѣ конца XVI и XVII столѣтія. Мода на „буффы" просуществовала приблизительно до 1818 года, когда опять появились прежніе граціозные полурукавчики, спускавшіеся съ плечъ, какъ бы въ видѣ эполетокъ, и замѣненные, въ свою очередь, къ серединѣ 20-хъ годовъ рукавами „à la gigot" или „à l'éléphant". Эти рукава чрезмѣрно расширялись къ плечамъ, съ цѣлью подчеркнуть, быть можетъ, манерную грацію появившихся въ то время осиныхъ талій.

Искрометной веселости часъ
Поблѣднѣлъ и погасъ,
И ползетъ изъ угловъ темнота...
Просыпайся, мечта!

Мы съ тобой въ небеса улетимъ
И надъ міромъ земнымъ
Лучезарную пѣснь пропоемъ
О весельѣ быломъ...

Ан. Волынцева.

СРЕДИ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Александръ Бенуа пишетъ въ „Рѣчи" о новомъ направленіи въ русской архитектурѣ, радуясь этому и выступая фанатикомъ классицизма.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ никто бы не повѣрилъ, если бы сказали, что русская архитектура, въ лицѣ самыхъ своихъ свѣжихъ и юныхъ элементовъ, рѣзко и добровольно повернетъ отъ націонализма къ космополитической классикѣ. 1880-е и 1890-е годы означали расцвѣтъ націоналистическихъ увлеченій въ искусствѣ. То, что съ величайшимъ трудомъ съ самыхъ дней Николая Павловича прививалось къ русскому обществу, казалось, наконецъ, принявшимся и дальнѣйшій ростъ древа русскаго искусства обезпеченнымъ въ данномъ направленіи. Сгорячa даже была уничтожена масса превосходныхъ зданій эпохи Екатерины II и Александра I и замѣнена сооруженіями въ „чисто-русскомъ" стилѣ. Среди этихъ побѣдъ надъ художественнымъ засиліемъ Запада съ особой гордостью цитировались московскіе „Ряды" Померанцева, выросшіе на мѣстѣ прекраснаго классическаго зданія, а люди мало разборчивые готовы были принять за побѣду и нашъ „Храмъ 1-го марта". Тогда же въ академіи слабые отголоски „разнесанса" и „Лунсеза", какъ ихъ понимали Кракау и Гедике, были почти задавлены наплывомъ всевозможныхъ имитацій волжской и новгородской архитектуры, а въ качествѣ общаго идеала надъ всѣмъ высилась гроздь куполовъ того храма, который классикомъ Наполеономъ былъ награжденъ кличкой „cette pagode"—Василья Блаженнаго.

И вотъ теперь пройдитесь по выставкѣ академическихъ конкурентовъ.

...Выставка архитекторовъ-конкурентовъ представляетъ собой совершенно поразительный примѣръ выдержки и единодушія. У какихъ бы профессоровъ ни учились ученики—всѣ они сочиняютъ и разрабатываютъ свои проекты согласно канонамъ сданной было въ архивъ „абсолютной красоты", всѣ они выдаютъ внимательное изученіе Палладіо, Скамоцци или нашихъ русскихъ палладіанцевъ: Гваренги, Росси, Томона, Старова и Стасова...

...Иностранцы намъ говорятъ: „будьте какъ можно болѣе русскими, вы тогда такіе интересные и забавные, будьте comme le ballets russes—красочными, бизарными, немножко сумасшедшими.

А наши юноши имъ отвѣчаютъ: мы не хотимъ изъ себя корчить того, чѣмъ мы уже не можемъ быть, мы не хотимъ повторять ту ошибку, въ которую вы сами впали, когда, подъ вліяніемъ романтизма, вы попытались вернуться къ „своимъ" среднимъ вѣкамъ. Мы желаемъ дѣлать то, что требуетъ нашъ вкусъ, что намъ подымаетъ и укрѣпляетъ

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

СПОРТЪ И КОННОЗАВОДСТВО.

„Джонъ-Макъ-Керронъ“—к. жер. род. 1912 г., Т. Н. Телегиной, собственнаго завода, отъ Гарри-Макъ-Керронъ и Сирены. Побѣдитель приза „Въ память 200-лѣтія г. Петрограда“ (для метисовъ), 27 сентября 1915 г. при рѣзвости 1.28²/₅ сек. По 1-е ноября 1915 г. выигралъ 29.398 руб.

„Лавръ“—к. жер. род. 1910 г., влад. Н. В. Телѣгинъ, собственнаго завода, отъ Джо-е-Маккерона и Легенды. Побѣдитель приза „Въ память исполнившагося въ 1886 г. 25-лѣтняго юбилея Общества“, разыгранного 15 ноября 1915 г. при рѣзвости 1½ в.—2.15²/₅. Лучшая рѣзвость: 1 в.—1.28²/₅, 1½ в.—2.13 и 3 в.—4.39²/₅.

По 18-е ноября 1915 г. выигралъ 60.486 руб. Съ лѣвой стороны—наѣздникъ С. Кейтонъ.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

ину, и, главное, намъ сейчасъ важно вообще не возвратиться назадъ, не стоять на одномъ мѣстѣ, а идти вмѣстѣ вѣкомъ, важно въ искусствѣ дать просторъ тому стремленію къ общечеловѣческому единенію, которое, увы, въ политикѣ сейчасъ замѣнилось какимъ-то какофоническимъ смѣшеніемъ національныхъ темъ.

Объ общечеловѣческомъ единеніи въ наши кошмарные дни рискуютъ писать немногіе, и тѣмъ радостнѣе читать это.

Самая міровая война нашихъ дней укажетъ на то, до какого огрубѣнія дошло вообще человѣчество, какъ чудовищно быстро оно растеряло все то, изъ чего сталъ было воздвигаться храмъ общечеловѣческой души. И тогда „опыты оживленія національнаго искусства" явятся многозначительными предвѣстниками надвинувшихся взаимно-уничтожающихъ распрей. Вѣль въ искусствѣ всегда являются первые симптомы того, что затѣмъ выражается въ стихійныхъ поступкахъ цѣлыхъ народовъ. Но все же этимъ будущимъ изслѣдователямъ нашей эпохи покажется непонятнымъ, какъ это люди зрѣлые, умные и даже прозорливые могли вѣрить всему тому, что преподавалось подъ видомъ благородныхъ съ виду теорій о необходимости возвращенія въ искусство каждымъ народомъ своего національнаго лица.

P. S. Этотъ отдѣлъ озаглавленъ „Среди книгъ и журналовъ", а приходится брать выдержки „интереснаго" чуть ли не чаще изъ газетъ. Газета отодвигаетъ книгу и журналъ на задній планъ, газета все чаще перехватываетъ теперь наиболѣе интересный матеріалъ...

Но кажется не нужно смущаться этимъ: то что поверхностно, на лету, схвачено мозгомъ въ газетѣ, только пробуждаетъ интересъ къ книгѣ, въ которой потомъ соберутся обрывки и разрозненное, уже процѣженное черезъ чужія мысли и сглаженное временемъ. Ничто дѣйствительно цѣнное, построенное не на минутномъ только интересѣ, не бросается вмѣстѣ съ прочитанной газетой, не забывается—оно снова появляется на страницахъ книги и переходитъ въ будущее. И не правда, что книгу теперь не читаютъ—вѣрнѣе слишкомъ много книгъ, которыя напрасно печатаются.

Книги у насъ какъ блины пекутъ.

* * *

Этотъ человѣкъ пришелъ какъ то въ редакцію большой газеты. Небольшого роста, рыжеватый блондинъ, съ маленькой чухонской бородкой, съ раскосыми голубыми глазами, съ такими глазами, какіе зовутъ „морскими". Одѣтый какъ-то неопредѣленно, не то какъ рабочій, не то какъ матросъ. Онъ никого не зналъ изъ сотрудниковъ газеты. Просилъ прочесть его рукопись. Это оказался небольшой разсказъ изъ морской жизни. Редакторъ, прочтя разсказъ, пришелъ въ восхищеніе: такой оригинальной свѣжестью и знаніемъ моря вѣяло отъ этихъ страницъ. Разсказъ прочли еще другіе сотрудники газеты. Имъ также разсказъ понравился; понравился настолько, что нѣкоторые усомнились подлинный ли это авторъ разсказа. Сострили даже по поводу фамиліи автора—Черманъ, что это не Черманъ, а Черпманъ, что онъ откуда-то несомнѣнно черпаетъ, а не пишетъ самостоятельно. Думали, что онъ заимствуетъ изъ какихъ нибудь мало извѣстныхъ у насъ южно-американскихъ или калифорнійскихъ изданій. Выяснилось, что Черманъ еще ребенкомъ, чуть ли не изъ четвертаго класса гимназіи, бѣжалъ изъ родительскаго дома и поступилъ юнгой на какое то парусное судно. Затѣмъ онъ плавалъ на десяткахъ судовъ, но исключительно парусныхъ. Пароходовъ Черманъ не признавалъ и настоящими моряками считалъ только тѣхъ, кто плаваетъ на парусникахъ. Лѣтъ девять Черманъ качался гдѣ то въ Южномъ океанѣ, около береговъ Африки и Южной Америки, нѣсколько разъ плавалъ кругомъ свѣта. Его тянуло всегда на суда, торгующія то слоновой костью, то краденнымъ золотомъ, то чуть ли не невольниками... Плавалъ онъ даже на пиратскихъ бригахъ. Это былъ авантюристъ въ душѣ, котораго тянуло не только къ морю, но тянуло къ опасности, риску, приключенію, къ авантюрѣ.

Для того, чтобы провѣрить подлинный ли это авторъ своихъ разсказовъ, Черману предложили написать разсказъ на такую тему:

„Дѣвочка, дочь капитана, больная чахоткой, живетъ со своимъ отцомъ гдѣ то въ Австраліи или въ Новой Зеландіи. Отецъ безумно любитъ дочь, окружаетъ ее всячески заботливостью, но вдругъ внезапно умираетъ и эта больная дѣвочка остается на рукахъ команды судна, на которомъ отецъ ея когда то служилъ командиромъ. Офицеры рѣшаютъ везти больного ребенка на родину, надѣясь, что родной климатъ возстановитъ здоровье. Дѣвочка ѣдетъ на военномъ суднѣ изъ Австраліи въ Россію и по дорогѣ умираетъ..."

Изъ этой несложной фабулы Черманъ черезъ нѣсколько дней сдѣлалъ такой прелестный разсказъ, съ такимъ знаніемъ моря и морской жизни описалъ переѣздъ по океану, что ни для кого не оставалось сомнѣній, что Черманъ подлинный авторъ и прежнихъ разсказовъ.

Всякое предположеніе о заимствованіи разсѣялось.

Лучшій разсказъ Чермана—это „Черный капитанъ". Разсказъ былъ напечатанъ въ „Новомъ Времени", затѣмъ изданъ дважды особой книжкой, но изданія давно разошлись. Авторъ, осѣвши на мѣстѣ, скоро умеръ, а о „Черномъ капитанѣ" забыли.

Вл. К.

* * *

Интересная статья архитектора Я. Гевирца „О квартирныхъ цѣнахъ въ Петроградѣ" („Архитектурно-Художеств. Еженедѣльникъ") попутно возбуждаетъ рядъ вопросовъ не безразличныхъ для каждаго, кому дорого художественное будущее столицы. „Въ основныхъ чертахъ постройки Петрограда послѣдняго времени не отличаются сколько-нибудь существенно отъ его построекъ времени лѣтъ за сто. Тѣ же рыхлые, изъ ненадежныхъ матеріаловъ, фундаменты, тѣ же грузныя и ненадежныя стѣны, тѣ же тяжелые, опасные въ пожарномъ отношеніи полы"... Еще хуже обстоитъ съ красотою петроградскихъ построекъ. „Декоративная сторона архитектуры жилыхъ домовъ—жертва вкусовъ и моды, и сама законодательница модъ, въ общемъ, кажется, не на пути истины. Пріуменьшая и приспособляя ради „стиля" монументальныя формы архитектуры дворцовъ и храмовъ, грубоватой имитаціей ради сомнительной дешевизны, профанируя лучшія произведенія зодчества, популяризируя ихъ на манеръ шарманки, она затемняетъ ихъ истинную сущность и обезцѣниваетъ въ подлинныхъ проявленіяхъ". Съ другой стороны „очень строгія гигіеническія требованія, — говоритъ авторъ,—могутъ привести къ такимъ цѣнамъ на квартиры, когда на хлѣбъ не хватитъ средствъ". Законодательство и соединенная дѣятельность общественныхъ учрежденій и ассоціацій должны заблаговременно принять мѣры къ облегченію процесса, грозящаго намъ эстетическимъ обнищаніемъ нашего царственнаго города.

Н. Л.

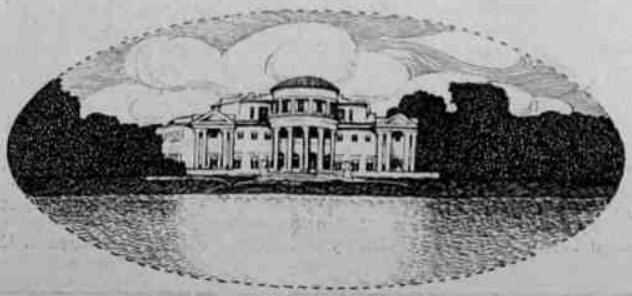
* * *

Жуковскій въ одномъ изъ своихъ очаровательныхъ писемъ къ очаровательной А. А. Воейковой („Русс. Библіофилъ", № 7) разсказываетъ презабавную исторію о семьѣ Пушкиныхъ, близкихъ поэта (1828 г.).

„Пушкина Ольга Сергѣевна однимъ утромъ приходитъ къ брату Александру и говоритъ ему: „милый братъ, поди скажи нашимъ общимъ родителямъ, что я вчера вышла замужъ за...". Братъ удивился, немного разсердился, но, какъ умный человѣкъ, тотчасъ увидѣлъ, что худой миръ лучше доброй ссоры, и понесъ извѣстіе къ родителямъ. Сергѣю Львовичу сдѣлалось дурно: привели цырюльника пустить кровь, и Пушкинъ замѣчаетъ, что отецъ его въ безпамятствѣ горя поднялъ споръ съ цырюльникомъ и началъ учить его, какъ пускать кровь, но тѣмъ и кончилъ, а теперь всѣ помирились.

Обстоятельства, при которыхъ вышла замужъ сестра поэта, дѣйствительно не совсѣмъ обычныя, изображены Жуковскимъ неточно; свадьба Ольги Сергѣевны не была тайной для матери и брата, который самъ встрѣчалъ новобрачныхъ по возвращеніи ихъ изъ церкви. Но отецъ—„весь какъ намаленванъ"...

Н. Л.



„Елагинъ дворецъ".
Заставка Лени.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

На полярномъ морѣ. Катанье на байдарѣ по озеру, образовавшемуся поверхъ льда.

Соб. фот. Вилькицкаго.

Начальникъ полярной экспедиціи флиг.-адъют. Б. А. Вилькицкій.

Охота на бѣлаго медвѣдя.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВИЛЬКИЦКАГО.

Населеніе Архангельска торжественно встрѣтило 3-го сентября Б. А. Вилькицкаго. Прибытіе же отважнаго путешественника въ столицу прошло незамѣтно.

435 дней суровой борьбы со стихіей и громадныхъ напряженій энергіи отразились на внѣшности Б. А. совершенно неожиданнымъ образомъ. Какъ будто человѣкъ вернулся съ климатической кавказской станціи, а не изъ царства льда и тьмы.

Выйдя изъ Владивостока 24-го іюня 1914 г. на „Таймырѣ", въ сопровожденіи „Вайгача", экспедиція къ сентябрю достигла мыса Челюскина, гдѣ и зазимовала, переживъ сто сутокъ полярной ночи. Большими усиліями преодолѣвъ всѣ ужасы полярной зимы съ 50-градусными морозами, безпросвѣтной тьмы, пронизываемой лишь изрѣдка сѣвернымъ сіяніемъ, Вилькицкій привелъ оба судна цѣлыми и невредимыми въ архангельскій портъ.

* * *

Сейчасъ флигель-адъютантъ Б. А. Вилькицкій возвратился на нѣкоторое время въ Архангельскъ для приведенія въ порядокъ оставшихся матеріаловъ и осмотра судовъ.

Скелетъ мамонта, на берегу Таймырскаго полуострова.

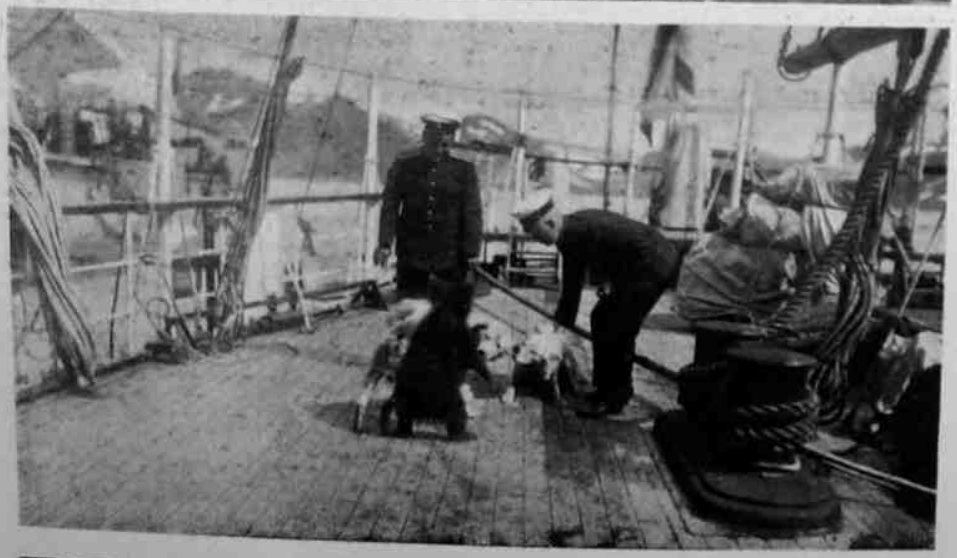
Эскимосская хижина на остр. Св. Діомида въ Беринговомъ морѣ.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИКВАРИАТА
ASG

Сборка гидроаэроплана.

„Вайгачъ" во льдахъ у острова Врангеля.
(Въ серединѣ).

Медвѣженокъ и щенки на палубѣ „Вайгача".
(Внизу).



По возвращеніи изъ Архангельска Б. А. Вилькицкому предстоятъ большіе труды по подготовкѣ научнаго доклада въ Географическомъ Обществѣ, а также по систематизированію матеріаловъ, собранныхъ въ Ледовитомъ океанѣ.

Докладъ изслѣдователя долженъ рѣшить вопросъ о сѣверномъ морскомъ пути изъ Владивостока въ Архангельскъ и въ устья сибирскихъ рѣкъ. Мнѣніе капитана Вилькицкаго должно установить, имѣетъ ли пройденный экспедиціей путь изъ Великаго океана въ Бѣлое море торговое значеніе. Пока капитанъ Вилькицкій выяснилъ, что въ районѣ Таймырскаго полуострова всегда можно встрѣтить большія скопленія льда, которыя могутъ задержать суда на годъ или даже на нѣсколько лѣтъ; плаваніе же отъ Берингова пролива до Таймырскаго полуострова и изъ Европы до этого полуострова не представляетъ особыхъ затрудненій.

(По „Веч. Вр.").

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ—Петроградъ, Звенигородская, 11.

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.

Международный институт антиквариата

СРЕДИ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Одинъ старый скептикъ (и большой поклонникъ женщинъ) любитъ говорить, что онъ принципіально не читаетъ книги, если авторъ—женщина. Исключеніе онъ дѣлаетъ, будто бы, только для Щепкиной-Куперникъ. Онъ, вообще, склоненъ къ парадоксамъ, но что Щепкина-Куперникъ талантливѣе многихъ и многихъ писателей изъ непрекр сной половины рода человѣческаго—всѣ согласятся.

Это такъ себѣ, кстати, по поводу ея воскреснаго фельетона въ „Бирж. Вѣдом." (№ 15239). Фельетонъ называется „Въ странѣ исчезнувшихъ часовъ".

Недавно я провела цѣлый вечеръ, разбирая пачку старыхъ писемъ, на которой надписано: „Тѣ, кого уже нѣтъ...".

Превосходно написанные обрывки воспоминаній о Саблинѣ (редакт. „Русск. Вѣд."), Гольцевѣ („Русск. Мысль"), о кн. А. И. Урусовѣ, съ его бархатнымъ баритономъ и французскими цитатами, съ тяжелой тростью и англійскимъ пледомъ для больной ноги и „три любви его жизни", разсказами о которой-нибудь изъ нихъ онъ всегда былъ полонъ: Ермолова, Флоберъ и имѣнье Марьинка...

Наконецъ, тотъ, о комъ и сейчасъ всего больнѣе тоскуетъ душа, чью утрату нельзя забыть—А. П. Чеховъ...

...И вспоминаются мнѣ тѣ дни. Большой меблированный домъ на Тверской; двѣ самостоятельныя половины—съ Тверской—„Лувръ", тамъ жила моя подруга, тогда восходящая звѣзда, прелестная молодая артистка; съ Леонтьевскаго—„Мадридъ", гдѣ жила я... ...То были веселые дни, а часто и ночи—особенно оживлявшіяся, когда пріѣзжалъ А. П. и начинались „общія плаванія"... Чеховъ такъ и назывался „Авеманомъ". У насъ у всѣхъ были, какъ всегда въ тѣсномъ кружкѣ, какія-то шутливыя прозвища. Гольцевъ звалъ меня „Конституція"... Куманинъ (покойный редакторъ „Артиста", у котораго я напечатала свою первую пьесу „Лѣтняя картинка", когда мнѣ еще не было 18-ти лѣтъ)—„бабушкой",—а особенно неистощимъ былъ на прозвища А. П.—Его любимое обращеніе ко мнѣ было „маститый беллетристъ", и, въ подражаніе кн. Урусову, на своихъ карточкахъ писавшему „lisez Flaubert", онъ на моей написалъ „lisez Scherkina-Kouperniek".

Въ Москвѣ тогда, правда, жилось шумно и интересно. Зарождался и расцвѣлъ „Художественный театръ"; у Мамонтова пѣлъ молодой Шаляпинъ; на выставкахъ чаровалъ Левитанъ; у Корша ставилась „Борьба за счастье"—Ковалевской; въ уютномъ особнякѣ у Тихомірова собиралась семья литераторовъ праздновать „Татьяну"; лекціи и рефераты, разрѣшенные и запрещенные, смѣнялись цыганами или... игрой въ фанты гдѣ-нибудь у насъ, гдѣ наряду съ нами и сѣдые старики писали записочки и играли въ „мнѣнія"; иногда въ полумракѣ слушали пѣніе талантливой молодой пѣвицы В. Эберле, которая въ Большомъ театрѣ пѣла свѣжо и поэтично Татьяну,—а вотъ такъ, въ дружномъ кружкѣ, неподражаемо пѣла русскія пѣсенки подъ балалайку; ея „Перекати-поле" и „Хуторокъ", заставлявшіе плакать слушавшихъ, до сихъ поръ звучатъ въ моихъ ушахъ. И вся она, съ ея русской красотой, будь это теперь, навѣрно, превзошла бы успѣхомъ Плевицкую, но тогда русскія пѣсни еще не вошли въ моду. То осмотръ новыхъ этюдовъ Левитана, привезенныхъ съ лѣтней поѣздки по Волгѣ,—то чтеніе новой пьесы Чехова; и каждый день что-нибудь новое, захватывающее и увлекательное...

Иногда стукъ въ дверь часа въ 2 ночи... и „сборъ всѣхъ частей" къ „Яру" или въ „Стрѣльну"; но даже и тамъ, посреди смѣха, пѣнія, шампанскаго и цвѣтовъ (мы предвосхищали пѣніе футуристовъ и первые бросали въ бокалы лепестки цвѣтовъ, увѣряя, что это очень вкусно, особенно съ розовой камеліей),—никогда никто не вносилъ какой-бы то ни было ноты пошлости. Всѣ наши друзья, съ „серебрянымъ дѣдушкой" во главѣ, не только видѣли въ насъ „товарищей", но и рыцарски уважали женщинъ,—и налетъ духовнаго аристократизма лежалъ на всемъ,—да и не могло иначе быть тамъ, гдѣ былъ Чеховъ.

Но иногда изъ Москвы тянуло въ тишину и на отдыхъ, и тогда отрадно было попасть въ Мелихово. Бѣдный А. П. иногда страдалъ отъ наплыва множества гостей; но мнѣ приходилось бывать обыкновенно, когда никого не было, кромѣ семьи. И семью я любила всю... ...Для меня почему-то между всѣмъ чеховскимъ и тургеневскимъ есть какая-то тайная связь; можетъ быть, то проникновеніе въ душу природы, которое есть у обоихъ. Хоть, конечно, и разница громадная между „тургеневскимъ" и „чеховскимъ"; вотъ и усадьба Чехова не была „тургеневской",—не старинный домъ съ колоннами, и вѣковой паркъ съ бесѣдкой миловидной; нѣтъ,—настоящая „чеховская" усадьба, новаго исполненія, съ новымъ, низкимъ, одноэтажнымъ домомъ; съ садомъ, гдѣ много было новыхъ посадокъ, сдѣланныхъ его руками; но прелестью и уютомъ вѣяло отъ маленькой усадьбы и задумчивымъ покоемъ...

Все что прошло, всегда кажется милѣе настоящаго. Прошлое подергивается дымкой, въ которой преобладаютъ розовые тона. Это психологическій законъ. Въ настоящемъ столько же радости бытія, какъ и въ любомъ прошломъ, но мы съ трудомъ его находимъ, не умѣемъ, не стараемся—хочется возразить талантливой писательницѣ.

Вл. К.

Российский институт истории искусств

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНІИ КРАСНАГО КРЕСТА.

Вышелъ изъ печати иллюстрированный каталогъ художественныхъ изданій Общины св. Евгенія Краснаго Креста, съ 1896 г. по 1915 г.

Дѣло художественныхъ изданій Общины св. Евгенія находится подъ ближайшимъ руководствомъ Комиссіи, состоящей изъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ; съ самаго основанія этого благотворительно-издательскаго дѣла въ немъ принимаетъ ближайшее участіе И. Е. Рѣпинъ, давшій для каталога въ годъ своего юбилея автопортретъ съ автографомъ. Комиссіей за девятнадцатилѣтній періодъ выпущено около 7000 разныхъ сюжетовъ открытыхъ писемъ, въ числѣ которыхъ имѣются: посвященные значительнымъ историческимъ событіямъ; снимки съ картинъ и сокровищъ Дворцовъ, картинъ Эрмитажа, Музеевъ обѣихъ столицъ, Романовская галлерея (около 80 картинъ въ особомъ étui); архитектурные памятники Россіи, обращено особенное вниманіе на картины старыхъ мастеровъ; изданы снимки съ рисунковъ, бывшихъ на выставкахъ „Кружка любителей изящныхъ русскихъ изданій", иллюстрирующихъ русскую жизнь въ эпоху Отечественной войны и портреты русскихъ женщинъ въ граюрахъ и литографіяхъ. Воспроизведены въ краскахъ рѣдчайшіе листы изъ собранія покойнаго П. Я. Дашкова—виды стараго Петербурга съ акварелей Патерсона, Машкова и др.; типы стараго Петербурга съ акварелей Гайслера.

Современные художники, не взирая на направленія, находятъ совершенно безпристрастное отраженіе своей дѣятельности въ изданіяхъ Общины. Такъ, напримѣръ, изданы кустарныя игрушки въ акварельныхъ композиціяхъ Ал. Ник. Бенуа; „Четыре времени года" и „Дни недѣли"—въ акварельныхъ рисункахъ К. А. Сомова, много вещей Врубеля; портретъ Айседоры Дунканъ, исполненный съ натуры по заказу Комиссіи Л. С. Бакстомъ. Эти работы исполнены исключительно для открытыхъ писемъ Общины св. Евгенія.

Можно сказать безъ преувеличенія—ни одинъ выдающійся художникъ, ни одно мало-мальски значительное явленіе въ области искусства не остается безъ отклика со стороны издательства. Императорскіе опера и балетъ представлены въ постановкахъ Л. С. Бакста „Феи Куколъ" и „Карнавала" Шумана, Алекс. Бенуа — „Павильонъ Армиды"; И. Я. Билибина—„Борисъ Годуновъ". Многія изъ изданій распроданы, нѣкоторыя остаются въ ограниченномъ количествѣ.

Въ каталогъ не вошли только-что вышедшія изъ печати открытыя письма съ рѣдчайшихъ литографій 20-хъ годовъ XIX в. и около 50 портретовъ русскихъ писателей—изданіе полезное для учебныхъ заведеній. Въ послѣдніе годы Комиссія Общины издала рядъ художественныхъ книгъ-путеводителей: по Петрограду, Павловску и Костромѣ; „1812 годъ въ басняхъ Крылова", съ иллюстраціями Г. И. Нарбута. Путеводитель по картинной галлереѣ Эрмитажа—трудъ А. Н. Бенуа, распроданъ и печатается новымъ изданіемъ значительно переработаннымъ и дополненнымъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНІИ: въ Петроградѣ главный и для иногородныхъ, Пески, Старорусская, 3. Община св. Евгенія. Городской: Петроградъ, Морская, 38. Въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Тверского подворья